

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ВПЕРВЫЕ  
НА РУССКОМ!

# ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

## ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Пьер Ньман,  
герой «Багровых рек»,  
возвращается!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

# **Жан-Кристоф Гранже**

## **Последняя охота**

### **Серия «Звезды мирового детектива»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=51245527](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51245527)*

*Последняя охота:  
ISBN 978-5-389-18011-6*

#### **Аннотация**

Жан-Кристоф Гранже – признанный мэтр европейского детектива и триллера, чья громкая литературная слава началась с триллера «Багровые реки» (1998), вскоре блестяще экранизированного. Главный герой – блистательно сыгранный Жаном Рено немногословный полицейский Пьер Ньеман, обладающий вьедливым аналитическим умом, но неуживчивым характером, сразу полюбился зрителям. И вот двадцать лет спустя Гранже решил воскресить легендарного комиссара в своем новом романе.

В сердце Шварцвальда, в Черном лесу, началась последняя охота. Но когда прозвучал рог, оказалось, что убит не олень и не кабан, а Юрген фон Гейерсберг, молодой немецкий аристократ, владелец окрестных земель и огромного состояния. Расследование ведут следователи из Германии и Франции, за французов играет знаменитый комиссар Пьер Ньеман, а также его ученица и коллега Ивана Богданович. В распоряжении экспертов

есть тело жертвы. Но нет ни головы, ни внутренностей. И никаких следов. Вскоре полицейским становится ясно, что это только начало. Неведомый преступник открыл охоту не только на представителей рода Гейерсбергов, но и на самих сыщиков, а за цепочкой странных убийств маячит зловещая тень – тень зверя.

# Содержание

I	5
1	5
2	11
3	15
4	24
5	28
6	35
7	42
8	48
9	57
10	64
11	71
12	77
13	85
14	92
15	96
16	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

# Жан-Кристоф Гранже

## Последняя охота

### I

### След

#### 1

Память пуста. Почти...

Когда его выловили из реки, обескровленного, распоротого снизу доверху, он напоминал бурдюк траппера, но был в сознании. Вот только что он осознавал?

Уже в «скорой» он погрузился в кому – на две недели. Через четырнадцать дней небытия в глубине мозга зажегся свет. Возник колодец молочного цвета, откуда выплывали предметы зыбких очертаний, бесформенные создания, обрывки жизни... На этой, начальной, стадии преобладала идея первородного вещества.

На следующей ее заменила аналогия с молоком. Он думал о знаменитом эпизоде индийской космогонии, о фресках, которыми восхищался в храмах Ангкора<sup>1</sup>: боги и демо-

---

<sup>1</sup> Ангкор – регион на северо-западе Камбоджи, некогда центр Кхмерской им-

ны сбивают молочное море и оттуда появляются изумительные создания. В его мозгу этот ритуальный танец оборачивался эпизодами насилия, лицами убийц, неудачами, гвоздем засевшими в голове... Короче, всем тем, из чего состоит память комиссара криминальной полиции.

В конце концов, к превеликому изумлению медиков, он пришел в себя. Танец богов продолжился в реальном времени, и оно вытекало из него, как из дырявого бидона, день сменял ночь, а все ощущения были похоронены под гипсом и анестезией. Врачи называли это «хорошим знаком».

Чуть позже он смог садиться в кровати и начал интересоваться новостями. О ком? О чем?

Сначала о Фанни Ферейре, которая «вскрыла» его до самого горла. Она не пережила их танго в ледяном потоке, и ее похоронили вместе с сестрой-близняшкой в тайном месте, в нескольких километрах от Гернона. Кладбища эти ведьмы не заслужили...

Потом всплыло воспоминание о Кариме Абдуфе, случайном напарнике в том параноидальном расследовании. Он сформулировал выводы о деле, поделился с жандармами и подал в отставку. «Вернулся на родину». Ньеман не стал препятствовать, хотя знал, что Карим – апатрид. Он ни разу не

---

перии, основанной королем Ясоварном в IX веке. Сохранился комплекс храмов, дворцов, водохранилищ и каналов, посещаемых и в наши дни буддистскими паломниками. Гигантские постройки Ангкора остаются примером изумительного мастерства древних строителей. Много лет здесь ведутся археологические раскопки. – *Здесь и далее примеч. перев.*

попытался связаться с Каримом – по сути дела, общими у них были только плохие воспоминания<sup>2</sup>.

Очевидно, пора возвращаться в мир обычных людей. В больничной палате его навестили высокопоставленные чины национальной полиции и жандармерии, приколоты медаль на пижамную куртку – будто пришили мертвую бабочку на пробковую доску. Ощущение, во всяком случае, было именно такое.

Соцстрах признал Ньемана «ограниченным свыше восьмидесяти процентов с назначенным ассигнованием для взрослых инвалидов»<sup>3</sup>, лишив возможности работать «на земле». У него незамедлительно возник вопрос: может, лучше было бы утонуть вместе с Фанни в водах ледника?

Впрочем, будем справедливы: французская полиция своих в беде не бросает, она посылает их на переподготовку. После окончательного выздоровления ему предложили место преподавателя в Школе полиции в коммуне Канн-Эклюз. Он подумал: «А почему нет?» Его опыт может пригодиться полицейским подмастерьям.

Три года он преподавал, там ему дали понять, что его

---

<sup>2</sup> Так заканчивается роман Жан-Кристофа Гранже «Багровые реки», вышедший на русском языке в 2001 году.

<sup>3</sup> Во Франции существует три категории ограничений для граждан: >80 % – не годен к труду и имеет право на специальное ассигнование для взрослых инвалидов; 50–79 % – имеет право на помощь органов социального обеспечения и не имеет права на специальное ассигнование для инвалидов; <50 % – трудоспособен в обычной среде без специальной помощи.

видение профессии не соответствует, как бы это поделикатнее выразиться, *установленным критериям*. Его вернули на службу, но оставили в резерве. Консультант, советник, посредник – называйся как хочешь, только не покидай скамейку запасных.

Физически он восстановился полностью. С психикой дело обстояло сложнее. Он жил с грузом, который принято называть *депрессией*. Симптомы? Хронические немотивированные боли в желудке, горло, сводимое судорогой... Близкие слезы и сонливость либо ощущение распада.

Еще два года протекли между фрустрацией и усталостью, самоуничтожением и безразличием, а потом о нем вспомнили бывшие соратники, вскарабкавшиеся на самый верх полицейской иерархии.

– Сам знаешь, – сказали начальники, – по всей Франции растет число диких, безумных преступлений, обычными силами мы уже не справляемся. Принято решение о создании центральной службы, которая будет командировать самых закаленных парижских сыщиков на помощь жандармам.

– Классная идея. И сколько людей в штате?

– На сегодняшний день один. Ты. Пока это скорее тест, чем официальный проект.

*Ну вы даете...* Идея направлять легавых на подмогу жандармам – вызов здравому смыслу. Никто никогда в такое не верил и не сумел бы вспомнить, при каком министре созрела подобная идея.



Кто лучше всех подходит для мертворожденного проекта? Конечно же призрак! Проблема заключалась в том, что Ньеман воспринял шутку всерьез. Он даже попросил заместителя.

– Эй, вы залили полный бак?

Ивана наклонилась к окну «вольво», держа в обеих руках салаты, семечки, минералку – все, что способен предложить привередливой веганке магазинчик на заправке.

Ньеман встряхнулся и вышел из машины, чтобы выполнить свою часть работы. Заправляясь, он лениво обдумывал нынешнюю реальность: немецкий автобан, начало осени в красных, как у Ротко<sup>4</sup>, тонах, вторая половина дня. Не отстой, но и верхом блаженства не назовешь.

Он пошел к кассе, уговаривая себя: «Радуйся, старик, конец бумажкам, статистике и досье, которыми более чем скуппо снабжали тебя жандармы, ты возвращаешься к розыску!»

Странно, что их отправили в Германию, во Фрайбург-им-Брайсгау, что в Шварцвальде, то есть Черном лесу. Они выехали на рассвете и в десять утра были уже в Кольмаре – Ньеман принципиально не признавал ограничений скорости.

Прокурор Республики при Парижском суде высшей инстанции сообщил ему, что интересующее их убийство было совершено в лесу Трусайма, в Эльзасе, но жертва, подозре-

---

<sup>4</sup> *Марк Ротко* (1903–1970) – американский художник русского происхождения, представитель т. н. «хроматической абстракции».

ваемые, свидетели и все прочие – немцы. Тактическое подразделение жандармерии департамента Верхний Рейн занимается французской частью расследования, они с Иваной – на «иждивении» немцев.

Последовали подробные разъяснения касательно договоренностей между полициями стран Евросоюза, которые позволят им вкалывать на тевтонской территории вместе с Управлением уголовной полиции земли Баден-Вюртемберг.

Ньеман мало что понял, но не сильно взволновался: он терпеливо внимал речам, зная, что Ивана уже получила от эльзасцев полное досье и изучает его, чтобы потом устроить для него персональный брифинг.

Он бросил взгляд через витрину: напарница раскладывала свой продовольственный запас на заднем сиденье, как стрелок-радист снаряды в танке.

Ивана Богданович.

Второй номер их дуэта.

Лучшее, что с ним случилось после возвращения из небытия.

Ему очень нравилось, как она выглядит.

Неизменная замшевая куртка, черная как смоль в тени и по-беличьи рыжая на свету. Потертые джинсы, ботинки с поцарапанными носами, красные волосы. Во всем этом было нечто очень последовательное и теплое. Нечто, напоминающее меланхолию опавших листьев и жизненную силу наполненных кровью вен.

Невысокая, худощавая. Так и хочется назвать ее «мелкой», но язык не поворачивается, уж больно крепок костяк и натренирована мускулатура. Ее силуэт «драной кошки» навел на мысль о силе выжившей. Да, она пережила катастрофу, но все, что осталось, обрело редкостную прочность.

Кости, мускулы, ярость.

Белокожая, как все рыжие, она напоминала ему эскимосские ножи, вырезанные из куска моржового бивня: один их конец остро заточен, другой удобно ложится в ладонь. Ньеман, конечно, не знал, легко ли любовникам Иваны удерживать ее в своих объятиях, но был уверен, что по ночам она умеет быть горячей и нежной, и это нисколько не противоречит ее ледяной жестокости днем.

Ивана слушала его лекции в Высшей национальной школе полиции, и на первой перекличке он переврал ее фамилию.

Она поправила его и поспешила добавить: «А вообще, зо-

вите как хотите».

Эта реплика была проявлением не скромности, но гордости, даже гордыни: она ставила себя выше всех превратностей бытия и самой Судьбы.

За месяцы общения с Ивановой Ньеман успел во всех подробностях изучить ее угловато-острую красоту – высокие скулы, брови, словно бы нарисованные художником в одно движение. «Рыжесть» Ивановы завораживала Ньемана и почему-то напоминала ему сумерки на Ибице, джем-сейшены хиппи, медитации под «кислотой» – все, к чему он питал стойкое отвращение, но вкупе с Ивановой вдруг полюбил.

Конечно, весь процесс узнавания был обманкой. Ньеман пытался одурачить себя: разыгрывал восторг, хотя давно знал Ивану – и ясно представлял, на что она способна. Оба хотели забыть первую встречу и начать с нуля.

– Где мой кофе? – спросил он, поворачивая ключ зажигания.

Она кивнула на стакан в держателе:

– Он вредит здоровью. Я взяла вам отвар.

Ньеман, сердито бурча, послал машину вперед. Ивана свернулась калачиком на сиденье и принялась за салат из киноа. Доев, она уперлась каблуками в приборную доску, отделанную ореховым деревом, и Ньеман с трудом удержался от замечания.

Никому другому он бы не спустил подобного кошунственного отношения к своему «вольво», но Ивана... Он уселся

поудобнее, крепко сжал руль и нажал на педаль газа. Ему было хорошо. Он чувствовал себя счастливым и легким с этой молодой женщиной, которая в свои тридцать два все еще грызла ногти. Ньеману нравилось ее присутствие рядом и аромат, похожий скорее на запах рисового пудинга, чем на духи роковой красавицы.

Никто не понял Ньемана, когда он выбрал в помощницы лейтенанта Ивану Богданович. Да, у нее есть все надлежащие качества, но она... женщина! А Ньеман – старый мачо, женоненавистник «на внешнем контуре», фаллократ «в самой середине». По его мнению, легавый = мужчина, все остальное – чушь собачья!

Ньемана забавляла подобная версия собственной репутации, не имеющая ничего общего с действительностью. Его отношение к женщинам было гораздо сложнее. Он никогда не был женат, но речь не шла ни о презрении, ни о равнодушии. Скорее об уважении пополам с опаской.

С Иваной все обстояло иначе. Комиссар не встречал полицейского лучше – а он повидал многих. Ее результаты в Школе полиции были красноречиво убедительны, за годы последующей службы она не допустила ни одного прокола. Так что никто другой с ней даже рядом не стоял.

– Нам сюда? – спросил Ньеман, увидев указатель на Фрайбург.

– Угу... – Ивана кивнула, доклеывая еду, как голодная птичка.

Он вдавил педаль газа и спросил:

– Ну так что там случилось?

– Если верить «Форбсу», семья Гейерсберг владеет двадцатым по размеру состоянием в Германии, приблизительно десятком миллиардов долларов. Эти аристократы, уроженцы земли Баден-Вюртемберг, зарабатывают деньги автомобилестроением<sup>5</sup>. С промышленной группой VG сотрудничают все немецкие конструкторы.

– Кто умер?

Сколь бы невероятным ни показался этот вопрос стороннему наблюдателю, Ньеман задал его, потому что не успел заглянуть в досье.

– Юрген, – сообщила Ивана. – Он и его сестра Лаура – главные наследники. Ему было тридцать четыре года. Тело было найдено в прошлое воскресенье в лесу Трусайма, в Эльзасе.

– Почему там?

Белочка доела, сунула пустой контейнер в мешок и схватила свой айпад.

– Раз или два в год Гейерсберги приглашают сливки местной аристократии и основных профессиональных партнеров

---

<sup>5</sup> Столица земли Баден-Вюртемберг *Штутгарт* сохранила свой статус центра автомобилестроения не только Германии, но и всей Европы. Здесь находятся штаб-квартиры и заводы крупнейших автомобильных концернов мира «Даймлер» (марки автомобилей «мерседес-бенц» и «смарт»), «Порше», а также всемирно известных поставщиков автозапчастей «Бош» и «Мале».

на большую псовую охоту. В субботу все обедают в семейном охотничьем павильоне. Готовятся. Ночуют на месте, а в воскресенье утром торжественно форсируют Рейн.

– А при чем тут Эльзас?

– А при том, что псовая охота запрещена в Германии с пятидесятих годов, – объяснила Ивана, листая айпад. – Во время охоты два французских гостя заблудились в лесу и наткнулись на... останки графа. Голова лежала в нескольких метрах от тела.

Ньеман на мгновение отвлекся от дороги, чтобы взглянуть на снимок. Малоаппетитное зрелище: позеленевшее тело лежит в грязи, черная шея зияет дырой, на теле – длинный вертикальный разрез.

– Судя по отчету патологоанатома, – прокомментировала Ивана, – внутренности жертвы убийца прихватил с собой.

Следующее изображение: голова на ковре из опавших листьев.

– Что у него во рту?

– Веточка дуба. Знак уважения со стороны убийцы.

Эта деталь кое-что напомнила Ньеману, но он обошелся без комментариев: не стоит откровенничать с заместительницей, особенно с такой, как Ивана. Пока...

– Другие увечья?

– Две раны, обе скорее странные. Убийца кастрировал жертву и сделал надрез вокруг сфинктера, как будто хотел вытащить гениталии через это отверстие.



– Их нашли?

– Нет. Военный трофей. Нельзя исключать изнасилования, хотя биологический материал не обнаружен. Да и дырка великовата для члена нормального размера. Так что, если акт имел место, либо наш душегуб «оснащен» как бык, либо использовал тонфу<sup>6</sup>.

Ивана докладывала небрежно-шутливым тоном. Дразнила смерть.

– Когда его видели живым в последний раз?

– В субботу, в полдень. Он исчез во второй половине дня и «нашелся» в воскресенье утром, под дубом.

– Французы вызывают подозрение?

– Ни малейших. Честные производители электронных комплектующих из Страсбурга.

– А что у жандармов?

– Ничего. Образцы, собранные на месте преступления, ничего не дали: ни отпечатков, ни фрагментов плоти...

– Следы ног?

– Нет. Убийца потрудился замести землю в радиусе двух-трех метров. А потом как будто испарился. Судебный медик считает, что Юргена убили в воскресенье утром, на рассвете. Потом шел дождь, был листопад... Возможно, убийца дождался, когда поднимется ветер, чтобы убраться оттуда, или

---

<sup>6</sup> *Тонфа* – традиционное холодное оружие жителей острова Окинава ударно-раздробляющего действия. Его прототипом послужила рукоять для небольшой рисовой мельницы. Тонфа – прообраз современной полицейской дубинки с поперечной рукоятью.

забрался на дерево, с него – на следующее и ушел вёрхом.

Ньеман почувствовал нетерпеливое раздражение, легкое «покусывание», напоминающее извращенный интерес к хищнику, совершившему убийство. Этот изверг ближе к природе, чем к современной цивилизации... Интуиция и первые догадки его не обманывают: дубовая веточка, повреждения в районе ануса. Декорация...

– Жандармы допросили аристократов?

– Все воскресенье потратили. Никто ничего не видел и не слышал: охотников интересовала только дичь. Пятьдесят мужиков и сотня псов травили одного-единственного оленя.

Ньеману были хорошо известны природозащитные убеждения Иваны, и он опасался расследования среди охотников. Ладно, к черту полемику: вокруг ослепительно-прекрасный лес, пышный, роскошный, зеленое пламя под ясным небом.

– Ну а если включить логику, мог ли убийца находиться среди гостей Гейерсбергов?

– Ему бы пришлось «форсировать» Рейн – среди ночи! – углубиться в Трусаймский лес, потом вернуться в Германию, чтобы следующим утром снова отправиться во Францию – вместе с остальными.

– И что в этом такого уж неправдоподобного?

– Действительно – что? Главный вопрос другой: что понадобилось графу в лесу среди ночи?

– Возможно, ему назначили встречу.

– Последний звонок Юрген сделал в 15:23.

– Кому?

– Сестре. Разговор занял несколько секунд.

– Детализация звонков гостей?

– Проверили сразу. Лес по обе стороны от границы принадлежит Гейерсбергам. Во время уик-энда мобильные телефоны должны быть выключены. Псовая охота требует максимальной сосредоточенности – так говорят специалисты. Кроме того, звонки там все равно не проходят.

– Почему?

– Сиятельные господа установили глушилки: их лес должен оставаться чистым. Они защищают природу – в прямом смысле этого слова.

Ивана достала протоколы Управления уголовной полиции земли Баден-Вюртемберг.

– Знаешь немецкий? – удивился Ньеман.

– Учила в лицее как второй иностранный язык.

– Мы ходили в разные школы. У меня первым был английский, так что придется тебе попотеть во время нашего путешествия. Что насчет мотива?

– На любой вкус: деньги, ревность, профессиональное соперничество. Напоминаю: семья «весит» больше десяти миллиардов долларов. После смерти родителей брат с сестрой управляют компанией железной рукой.

– Кто наследует усопшему?

– Пока неизвестно, но по идее – Лаура, его сестра. Она получит жирный кус.

– Сколько ей лет?

– Тридцать два года.

– Допросили?

– У нее алиби на ночь с субботы на воскресенье. Фрой-  
ляйн проводила время с парнем с работы. Знаешь, Юрген  
и Лаура были неразлучны, вряд ли это она убила брата. Лад-  
но, скоро мы ее увидим и составим собственное мнение.

– Кто есть еще?

– Конкурирующие компании, другие члены семьи, акцио-  
неры... VG – настоящая звездная туманность, так что заин-  
тересованных в смерти Юргена – легион.

Обезглавленная жертва в гуще леса, украденные внутрен-  
ности и половые органы: *модус операнди* абсолютно не соот-  
ветствует подковерному миру производственных конфлик-  
тов и больших денег.

– Есть кое-что еще, поэкзотичней, – продолжила Ива-  
на. – Маленький граф увлекался СМ<sup>7</sup>. Посещал *особые* клу-  
бы в Штутгарте, вызывал проституток к себе во Фрайбург.

– Сомневаюсь, что его лишили головы за любовь к порке  
кнутом. Мы с тобой хорошо знаем эту публику. Самые лас-  
ковые представители уголовного мира.

Он сразу пожалел, что позволил себе этот снисходитель-  
ный тон. «Какой же ты идиот, комиссар! Каждый волен са-  
мовыражаться, как ему нравится. Не стоит презирать чело-  
века, не проявлявшего *жестокости*, и очаровываться пре-

---

<sup>7</sup> Садомазохизм.

ступностью, отравляющей наше общество...»

– Не согласна... – Ивана покачала головой. – Он мог нарваться на плохих парней в тот момент, когда был особенно уязвим...

Но подобный сценарий не давал ответа на главный вопрос: почему в лесу?

Они выехали на дорогу, нависающую над Черным лесом и цепью гор, поросших блестящим «мехом». Говорят, на расстоянии он кажется черным, но сейчас, под ярким послеполюденным солнцем, бесконечная череда холмов, долин и синусоидальных линий растительного моря была зеленой. Им предстоит затеряться в гигантском лабиринте дорог и тропинок, в лесу, скрывающем хищника.

– Что-нибудь еще?

– Политическое покушение, – едва слышно произнесла Ивана.

Ньеман понял, что она отдает предпочтение этой версии.

– Он занимался политикой?

– Нет. Но был великим охотником, как и все члены его семьи.

– Поясни.

– Гейерсберги владеют тысячами гектаров леса, ставшего ареной их единственного пристрастия. Они выкупили окрестные земли, протолкнули указы, запрещающие сельскохозяйственную деятельность, и все это ради того, чтобы увеличить размер «игровой площадки».

– Хочешь сказать, они ездили во Францию исключительно ради охоты?

– Псовая охота запрещена, но Гейерсберги практикуют все другие виды – охоту с подхода, облаву...

– Нужно говорить – облавы.

– А мне все едино, – ответила Ивана со смесью отвращения и вызова. – Ладно, я ни при чем, а вот Юрген был охотником в полном смысле этого слова и уважал одно – собственную жажду крови.

– Выходит, его могли кокнуть противники охоты или разгневанные хлебопашцы?

Ивана загадочно улыбнулась. Ньеману нравилось, когда она изображала девчонку-проказницу, смотрела искоса, прячась за вельветовым воротником куртки.

– Местные активисты антиохоты – злобные ребята.

– Но отрезать голову...

– Они могли срежиссировать смерть Юргена напоказ, в назидание другим.

Ньеман решил вернуться к старым добрым вариантам:

– Как насчет убийцы-психа? Такие действуют, не зная жертву, подчиняясь голосу своего безумия. Юрген вполне мог столкнуться с подобным типом...

– Жандармы прошерстили картотеки Эльзаса и Баден-Вюртемберга и не нашли ни похожих убийств, ни заявлений о сбежавших пациентах психлечебниц. Если на Гейерсберга напал психопат, это его первое преступление. Есть

одна деталь, свидетельствующая в пользу такой гипотезы.

– Какая?

– Полнолуние. Ночное светило было на пике своего цикла, когда выпотрошили миллиардера.

Его привычное «возбуждающее» средство – кровь, безумие, тайна... Ньемана затрясло. Он умер, воскрес и теперь все время зяб, словно тело так и не обрело прежних свойств.

– Что говорит семья?

– Немецкие коллеги едва осмелились их опросить. Это одна из причин, по которой нас туда отправили; решили, что французам будет сподручнее трясти клан. Первый поворот направо.

– Можешь сказать, куда мы едем?

– Поговорить с врачом, который наблюдал за вскрытием.

– «Наблюдал»? Что еще за новости?

– Спецмера. Шенген – он и для трупов Шенген, а у Гейерсбергов длинные руки. Здесь налево.

Ньеман подчинился указанию своего штурмана, и они оказались на каменистой тропинке, полностью затененной деревьями. Их коричневые с зеленым верхушки сплелись и образовали что-то вроде лестницы в небо.

– Не понимаю... Мы что, не едем в больницу?

– Теперь все время прямо.

Дорога внезапно раздвоилась, и внизу показалось озеро. Гигантское зеркало сверкало на солнце, его контуры скрывались за бахромой из черных елей. Волны меняли цвет от серо-стального до аспидного и казались единой непроницаемой массой.

– Озеро Титизе, – объявила Ивана, радуясь, что сумела впечатлить Ньемана.

Он смотрел на шале, прилепившиеся к склонам вокруг водной глади. Совсем новые, но умело состаренные, деревянные строения навевали мысль о согревающем душу вне-времяе. Картинка на шоколадке.

Ньеман перевел взгляд на идеально гладкую, хромированную поверхность воды. Озеро напоминало месторождение особого минерала, в котором когда-то закаляли бомбы для люфтваффе.

Они снова повернули, и озеро исчезло. Перед ними оказался очередной хвойный туннель... Комиссар не понимал, куда они, к черту, направляются.

– Филипп Шуллер, – пустилась в объяснения Ивана, – живет в общине, в центре, входящем в состав Общества Макса Планка<sup>8</sup>, это аналог нашего Национального центра научных

---

<sup>8</sup> *Общество научных исследований имени Макса Планка* – сеть научно-исследовательских организаций (штаб-квартира в Мюнхене, Германия) – включает бо-



исследований<sup>9</sup> – исследователи совершенно автономны, их лаборатории используют солнечную энергию, они выращивают овощи на собственном огороде и варят мыло.

– Гениально.

В разговоре об экологии и ее защитниках Ньеману ни разу не удалось удержаться от насмешливого тона, хотя он знал, что эти люди на правильной стороне в борьбе за будущее.

Словно подтверждая рассказ Иваны, пейзаж изменился, изгнав все признаки современной цивилизации: ни тебе линий электропередач, ни человеческого жилища. Природа равнодушно взирала на окружающий мир с высот своего ледяного величия.

Начался спуск в небольшую долину, где за стеной, увитой диким виноградом, укрылось несколько ферм.

– У тебя адрес точный? – поинтересовался Ньеман (он совсем перестал ориентироваться). – Что они тут делают, козий сыр?

– Прекрати, Ньеман, эти ребята принадлежат будущему.

– Ты только посмотри, один из семи гномов решил нас встретить.

---

более 80 институтов и исследовательских центров и является одной из ведущих и признанных во всем мире научно-исследовательских организаций Германии в области фундаментальных научных исследований.

<sup>9</sup> *Национальный центр научных исследований* – ведущее государственное научно-исследовательское учреждение Франции, объединяет государственные организации, специализирующиеся в области прикладных и фундаментальных исследований, и координирует их деятельность на национальном уровне.

У мужчины действительно были борода и брюхо, но роста он оказался обычного, человеческого, хотя круглые очки, посох и улыбка на румяных щеках делали его похожим то ли на Умника, то ли на Весельчака из свиты Белоснежки.

– Тормозите, – велела Ивана, – это, видимо, Шуллер. Я предупредила его о нашем приезде.

Ньеман послушался и остановился рядом с хозяином скамочного места.

– Прошу прощения, – сказал «гном», наклонившись к окну водителя, – мы не пускаем машины на хутор.

Французский у него был великолепный во всех отношениях, если не считать намека на акцент – немецкий или эльзасский.

– Это охраняемая зона, – добавил он и указал на небольшую земляную площадку. – Наша парковка.

Выйдя из «вольво», Ньеман заметил, что стена ограды и разнообразные виды деревьев вокруг домов создают некое подобие японского сада. Цвета, расположение, равновесие – все было призвано внушать покой.

Покончив с представлениями, полицейские последовали за Шуллером. Все «знаки» были в зеленых тонах: лишайники, папоротники, крапива украшали портик, с каждым шагом запах навоза становился сильнее. Так ищут будущее? Кроме шуток?

Во дворе скепсис Ньемана только усилился: женщины ручную стирали белье в оцинкованных тазах, некоторые

мужчины возили компост в тачках, другие – все бородачи – сидели за длинным деревянным столом и лушили горошек...

– Внешность обманчива, – улыбнулся Шуллер, – наши исследователи – лучшие в Европе, есть даже один нобелевский лауреат!

– И чем конкретно вы тут занимаетесь? – с сомнением в голосе спросил Ньеман.

– Биологией. Физикой. Генетикой. Ищем решение экологических проблем.

– Но вы еще и семейный врач Гейерсбергов? – вмешалась Ивана.

– Разве это не одно и то же? – усмехнулся в ответ толстяк. И добавил, как будто сразу пожалел о сказанном: – Простите дурака, неудачный момент для шуток. Бедняга Юрген... Я ведь присутствовал при его рождении, понимаете? Сюда, пожалуйста...

Шуллер пошел к главному зданию, над дверью которого висели колокол и аист из кованого железа. Ньеман последовал за провожатым, то и дело косясь на «лучшие умы», больше всего напоминавшие последователей хиппи семидесятых.

Врач толкнул тяжелую створку и прямо на каменном крыльце освободился от резиновых сапог. У стены стояли ряды фетровых тапочек.

– Вас не затруднит разуться? Входите, прошу.

Они вошли – и попали в другой век: пол из терракотовой плитки, высокий, как ковчег, камин, полки с медными кастрюлями. В центре – большой стол, освещенный миньонами в плафонах из силикатного стекла. Ставни прикрыты, и помещение купается в красновато-коричневом, с золотистым отливом, сумраке.

Сыщики переобулись и прошли в комнату.

– Пиво или водка?

Шуллер открыл гигантский холодильник с ледогенератором (только он и выбивался из общего стиля), и лампочка подсветила его бороду, как кружку темного пива.

– Пиво пойдет, – ответил Ньеман.

– Присоединяюсь... – Ивана кивнула.

Они молча устроились за столом. В воздухе пахло воском и влажным камнем. «Уж точно лучше, чем навозная жижа!» – мысленно усмехнулся комиссар.

Все открыли пиво и переждали, пока рассеется седой дымок над бутылочным горлышком. Включив воображение, легко было представить себя в средневековой таверне.

– Так что именно вы хотите знать? – спросил наконец Шуллер. – Два дня назад я отослал отчет французским полицейским. Меня допросили парни из местной полиции. Убийство одного из Гейерсбергов в наших краях – не рядовое со-

бытие, уж вы мне поверьте!

– Для начала я хотел бы прояснить одну деталь, – сказал Ньеман. – Почему вы присутствовали при вскрытии Юргена? Кто вас об этом попросил?

Шуллер прищелкнул языком. Он напоминал персонаж с картины Брейгеля-старшего.

– Франц...

– Кто?

– Брат Фердинанда, – пояснила Ивана.

Шуллер махнул ей рукой с бутылкой в знак благодарности и согласия.

– Дядя Юргена и Лауры захотел, чтобы я составил собственный отчет, и прокурор Кольмара согласился принять его как официальный документ.

– Франц не доверяет французскому судмедэксперту?

Шуллер пожал одним плечом:

– Наследственная недоверчивость. Любой Гейерсберг просто обязан подозревать всех...

– В отчете, – вступила в разговор Ивана, – вы пишете, что не пришли к определенному мнению касательно точной причины смерти.

Шуллер глотнул пива и поморщился:

– При обезглавливании ни в чем нельзя быть уверенным.

– Считаете, ему перерезали горло?

– Вне всяких сомнений, – ответил немец потухшим голосом. – Несчастный парень...

Разговор явно заставил Шуллера вспомнить пережитый на вскрытии шок.

– Одно я знаю точно, – сказал он. – Убийца отрезал голову ножом. Насчет типа оружия гарантии не дам, но, скорее всего, нож был охотничий. На шее остались еще следы больших ножниц. Это точно была не пила и не другой инструмент.

Ивана достала блокнот и стремительно записывала – она владела стенографией.

– Убийца вспорол Юргену живот и забрал внутренние органы. Как, по-вашему, зачем?

Шуллер встал за следующей бутылкой, открыл ее об угол стола и вернулся на свое место.

– Рефлекс охотника. Так всегда поступают с животными – выпускают газы, чтобы туша не раздулась.

– Повреждение ануса – это тоже что-то... охотничье?

– Само собой. Если не сделать разрез и не вытащить гениталии, мясо будет испорчено испражнениями.

Молодая женщина метнула в учителя негодующий взгляд: Ньеман с самого начала все знал, но не счел нужным просветить ее.

– Выходит, убийца – адепт охоты? – спросила она, крутя в пальцах карандаш.

– Не абы какой – охоты с подхода.

– Это что еще такое?

– Охота с подхода, – ответил Ньеман.

Шуллер кивнул, подтверждая.

– У нас есть охота, известная всем, с ружьем. И другая, ее все ненавидят, – псовая. А еще – с подхода... – Он понизил голос, как будто решил поделиться с ними большим секретом: – Тихая индивидуальная травля. Подобраться к жертве максимально близко и решить, достойна ли она умереть.

– Не понимаю.

– Охотятся только за самцом в полной, как говорится, «силе и славе». За «вооруженным самцом» – с длинными клыками, если это кабан, и высокими ветвистыми рогами, если имеешь дело с оленем. Важна только дистанция до зверя. Доблесть в том, чтобы оказаться в нескольких шагах от сильнейшего противника...

– И как поступает охотник? Отпускает животное?

Шуллер расхохотался:

– Вы – точно не охотник! Дичь убивают одним выстрелом. «Чистой пулей».

– Но Юргена не застрелили, – вмешался Ньеман.

– Нет. Вашего преступника вдохновляет *травля*, но убивает он холодным оружием.

– У Юргена фон Гейерсберга между зубами была дубовая ветка. Тоже традиция? «Затычка», так это, кажется, называется?

Шуллер одобрительно кивнул, оценив подкованность француза.

– Точно так. Когда животное умирает, ему подают последнюю трапезу. Чаще всего обмакивают веточку в его соб-

ственную кровь и суют в пасть. Некоторые охотники и сами делают несколько глотков.

– Вы тоже любитель подобных... – спросила Ивана, решив спровоцировать немца.

Шуллер не поддался, но бросил на Ньемана красноречивый взгляд, спрашивая: «Зачем вы притащили сюда эту девчонку?»

– Нет, – сказал он, – мне не хватает терпения. Я больше люблю охотиться вдвоем с собакой. – Шуллер поднял бутылку, как будто решил произнести тост, и похвастался: – Я – знаток пород!

Ивана начертила в блокноте еще несколько значков и спросила, проигнорировав последнюю фразу собеседника:

– В отчете вы указали, что убийца не только извлек органы из тела Юргена, он украл кишки, пищевод, желудок...

– Не украл – похоронил. Еще одно правило охоты с подхода.

– Откуда оно взялось?

– Ну, во-первых, эти части тела несъедобны – там глубокий источник животной теплоты, там бродит черная кровь и таится природа зверя... – заговорщическим тоном сообщил врач.

– В нашем случае неизвестно, закопал ли убийца органы.

– Конечно закопал!

– Откуда такая уверенность?

Шуллер удивился:



– Но... Их нашли неподалеку! Не понимаю, вы что, не общались с французскими коллегами?

Ивана и Ньеман переглянулись: эксперты подложили им свинью, возможно сознательно. Или просто забыли предупредить.

Лейтенант не собиралась обсуждать с бошем «нестыковки в работе французской полиции» и задала следующий вопрос:

– На охоте с подхода тоже отрезают дичи голову?

– Если нужен трофей – да. Устраивают «резню».

Ньеман боковым зрением заметил улыбку Ивана – она оценила точность определения.

– Убийца знаком с физиологией? – спросил он. – Он может быть медиком? Хирургом?

– Он охотник, этого достаточно. Хороший, опытный охотник. Приведу другой пример: чтобы извлечь внутренности, он распилил ребра вдоль грудины, как делают профессионалы в лесу.

Комиссар размышлял о Юргене фон Гейерсберге. Деталей он не знал, но легко мог представить, что это был за человек. Молодой, образованный, сказочно богатый. Отличный спортсмен. Ничто не предвещало, что он умрет, зарезанный, как кабан, вульгарно, кроваво, жестоко.

Что пытался сказать им убийца?

– Благодарю, профессор, пока это все.

– Пока?

Ньеман вежливо кивнул:

– Мы очень внимательно изучим ваш отчет, и у нас, скорее всего, появятся новые вопросы.

– Я не должен подписать мои сегодняшние показания?

– Сегодняшняя наша беседа была «не на камеру».

Ивана покривилась – ее слегка покорибила гротескная журналистская формулировка, хотя она с полпинка уловила посыл напарника: здесь, в шестистах километрах от Парижа, за пределами французских границ, они не станут заниматься бюрократической волокитой.

Ньеман решил продвигаться вперед, руководствуясь инстинктом, и не оставлять следов. Кроме того, его немецкий был недостаточно хорош, чтобы читать отчет в подлиннике, но он хотел держать профессора при себе в качестве консультанта: им необходим опытный охотник.

Один вывод он уже сделал: убийца – любитель травли в одиночку.

– Будет очень мило с вашей стороны, если в следующий раз вы поделитесь информацией *до* опроса свидетеля, – недовольным тоном произнесла Ивана, шагая рядом с Ньеманом по двору исследовательского центра.

– Успокойся. Я действовал по наитию.

– Бросьте, вы меня поняли. Не люблю выглядеть идиотской.

На самом деле Иване больше всего не понравилось, что два мачо обсуждали при ней искусство охоты и способы убийства беззащитных животных.

Она ошибалась. Ньеман не был ни экспертом, ни даже охотником «по случаю». Всеми догадками он был обязан многолетнему близкому знакомству с огнестрельным оружием.

– Нужно позвонить в жандармерию, – напомнил он, когда они вышли из центральных ворот.

– Бессмысленная затея, они на нас дуются. Нет, еще хуже – они нас игнорируют.

Ивана достала телефон на подходе к «вольво». Было около пяти, день клонился к закату, и небо приобрело странный серо-желтый цвет.

– Будем надеяться, что немецкие легавые больше склонны к сотрудничеству, – сказала она, залезая в машину.

*Ничего менее надежного...* Их первое расследование «осенили» дурные предзнаменования. Молодого миллиардера принесли в жертву, как оленя. Работать придется на иностранной территории. Жандармы наверняка считают, что сделали свою работу, а тевтонцам меньше всего нужны советы коллег-«лягушатников»...

Комиссар закрыл глаза. Последние, не успевшие улететь птицы подняли жуткий галдеж наверху.

Он открыл глаза, и в этот самый момент крошечные черные точки прыснули в разные стороны, как дробь из двустволки.

Ньеман стряхнул с себя секундный морок и сел за руль.

– Чем ты занята? – спросил он.

– Решила все-таки написать жандармам. Нам необходимо полное досье.

– Будь любезнее.

– Я всегда сама любезность. Вы же меня знаете.

– Что делаем дальше? – спросил Ньеман, трогаясь с места.

– Займемся серьезными вещами, – ответила Ивана, открыв навигатор. – Лаура фон Гейерсберг, сестра Юргена, живет на вилле в нескольких километрах отсюда. На выезде с дороги нам направо.

Они вернулись к озеру. Вода потемнела и теперь напоминала то ли угольный разрез, то ли гигантскую лужу мазута. Холодный черный материал ассоциировался с кругами Дантова Ада.

Ивана опустила стекло и закурила. Они заключили договор: дымить только в окно. У Ньемана кошки на душе скребли при одной только мысли, что Ивана может прожечь приборную доску из орехового дерева, а дорогие кожаные сиденья пропитаются запахом дыма, но он запретил себе ворчать. Его тошнило от современного общества, запрещающего все «пороки» во имя общего блага. Он никогда не станет поддерживать скрытую – худшую из всех возможных – диктатуру здравого смысла.

Он рулил и краем глаза наблюдал за молодой коллегой: она глубоко затягивалась, как астматик кислородом из маски. Мадемуазель Парадокс. С одной стороны, она очень о себе заботится – не ест мяса, потребляет только экопродукты, занимается йогой... С другой – ежедневно себя разрушает, дымя как паровоз, а с наркотой и спиртным завязала только потому, что в какой-то момент испугалась передоза или алкогольной комы. Ивана то и дело поминала спасение природы и будущего планеты, но за городом не была ни разу и уютно себя чувствовала только в городе, дыша CO<sub>2</sub>.

– Сколько лет этой графине? – спросил он.

– Тридцать два. Она на два года моложе Юргена. После смерти родителей брат с сестрой встали у руля компании VG. Теперь ей придется выпутываться одной.

– От чего умерли мать с отцом?

Ивана вытащила из кармана айпад:

– Она покончила с собой, его убил рак, соответственно в

две тысячи двенадцатом и две тысячи четырнадцатом году.

– И что, не нашлось никого постарше этих ребяташек, чтобы управлять фирмой?

– Предыдущее поколение состояло из трех братьев: Фердинанда, отца Юргена и Лауры, Герберта – он умер молодым, дав жизнь двум мальчикам, и Франца – о нем мы уже говорили, он жив, но бездетен.

– Что, если этот последний решил убрать племянника и на склоне лет взять бразды правления в свои руки?

– Все может быть, нужно проверить его алиби.

– А кузены, дети Дитера?

– Акционеры всегда доверяли Юргену и Лауре, а по результатам VG – в десятке первых. Нет причин полагать, что Юргена заменит на посту другой Гейерсберг.

– А как насчет соперничества между братом и сестрой?

– Проверим. Не исключено, что она следующая в списке намеченных жертв...

По обе стороны дороги стеной стояли ели. Только ели – и никаких столбов и указателей. Лес поглотил цивилизацию...

– Далеко еще?

– Мы уже на землях Гейерсбергов.

Ньеман мгновенно осознал меру богатства семейства, владеющего тысячами гектаров Черного леса. Гейерсберги уничтожили все следы цивилизации в своих владениях. Зачем? Чтобы удобнее было охотиться и легче дышать. После встречи с последователями хиппи, обитающими в «незагрязнен-

ном пузыре», полицейским предстояло общение с аристократами, свирепо охраняющими свою «песочницу».

Ньеману всегда хорошо думалось за рулем. Первые данные о способе убийства рождали в его голове противоречивые теории. Он попытался разложить все по полочкам.

*Вариант № 1.* Убийца – охотник, для него жертвоприношение – будь то человека или оленя – священное действо.

*Вариант № 2.* Человек ненавидел охоту с подхода – до одури, до рвоты. И убил именно так, как убил, желая выплеснуть свою ненависть, объяснить причину мести за... несчастный случай на охоте.

– Тормозите! – воскликнула Ивана. – Мы въезжаем в парк, это уже ее владения.

В этот самый момент на дороге возникли два охранника. Странное дело: ни тебе ворот, ни сигнализации – дорога принадлежит Гейерсбергам и вести может в единственное место, замок графини.

Ньеман вдруг заметил, что деревья стоят еще теснее и потемнели настолько, что действительно превратились в черный лес.

Ивана вышла из машины и начала объясняться с мужчинами по-немецки. Ньеман позволил себе гаденькую мысль: «Ей было легче выучить этот язык, она же хорватка...» – сожнавая, что думать так – чистый идиотизм, ведь родным языком лейтенант не владеет, да и у немецкого нет ничего общего со славянскими языками.

Девушка вернулась в машину, и они ехали еще минут десять. Лес вокруг не имел ни конца ни края, а потом, совершенно неожиданно, перед ними возникла безразмерная прогалина, выступающая из окружающего пейзажа с четкостью агроглифа<sup>10</sup>. Длинные газоны устилали ее безупречно ровным ковром. В голову комиссару пришла диковатая мысль об инопланетянах, без спросу высадившихся в сердце германской чащи.

На дальнем краю этого рукотворного пространства стоял дом Лауры фон Гейерсберг.

Не помпезный замок, а современная вилла начала двадцатого века. Большой стеклянный параллелепипед, сверкающий на солнце, как кристалл, в последних солнечных лучах.

Ньеман любил архитектуру, хотя знатоком не был. Он купил маленький брошенный завод в Кашане, закабалив себя кредитом аж на двадцать лет, чтобы стать единоличным хозяином пространства, которое Мис ван дер Роэ<sup>11</sup> называл «свободным».

В нескольких метрах от виллы, на парковке, стоял черный

---

<sup>10</sup> *Круги на полях* – агроглифы – геометрические рисунки, образованные на полях полегшими растениями, различимые лишь с высоты птичьего полета. Самая популярная версия их происхождения связана с появлением пришельцев, которые оставляют круги в качестве визитных карточек.

<sup>11</sup> *Мис ван дер Роэ, Людвиг* (1886–1969) – американский архитектор-модернист немецкого происхождения, в 1930–1933 годах директор Баухауса – Высшей школы строительства и художественного конструирования. Все его строения имели стальную арматуру и стеклянные фасады.



джип 4 × 4, явно знававший лучшие времена. Ньеман инстинктивно угадал в этом «одре» снобизм богатеев, обожающих ездить на старых тачках и носить бесформенные свитера. По принципу: иметь все, что душе угодно, и выглядеть при этом оборванцем.

Он вышел из «вольво», чтобы получше рассмотреть виллу. На больших окнах первого этажа висели белые шторы, комнаты на втором существовали «напоказ». Каждую стеклянную поверхность поддерживала стальная структура цвета ржавчины, наводившая на мысль о запекшейся крови.

Со стороны казалось, что дом стоит, облокотясь на лес, и это создавало потрясающий эффект. Все смешивалось, сливалось, срасталось воедино, образуя не жилище, но блистательный симбиоз.

Ньеман присвистнул от восхищения.

– Вы еще хозяйку дома не видели... – прокомментировала его реакцию Ивана.

Ивана знала: графиня понравится Ньеману.

Бытовала легенда, что старейшина криминальной полиции женщинами не интересуется, но дело обстояло прямо противоположным образом. Женщины завораживали комиссара, но он и с возрастом не приобрел той непринужденности, которая позволяет мужчине на равных общаться с «противником». Папаша Ньеман вел себя скованно, ощущал неловкость, странная сила женщин парализовала его волю. Так боксер опасается соперника-левши с косым ударом. Ньеман не понимал природу этой силы и оттого считал ее единственным источником своих неудач. Встреча с графиней ситуацию не улучшит.

Ивана нашла в глянцевах журналах много статей о Лауре фон Гейерсберг. Лаура на благотворительных вечерах в длинных платьях из сказочных тканей. Лаура в первом ряду на показах самых знаменитых домов моды. Лаура в черном рединготе и жокейском шлеме на белой лошади в разгар псовой охоты...

Интересно, а империей она руководит в свободное от светских мероприятий время? Но ведь правит железной рукой, бок о бок с братом. Все эксперты единодушно утверждают: с тех пор как лидером автомобильного инжиниринга Германии управляют младшие Гейерсберги, результаты компа-

нии постоянно улучшаются – к превеликому удовольствию акционеров, в том числе кузенов и других родственников. Значит, нет никакого смысла устранять Юргена. Никто не режет курицу, несущую золотые яйца.

Полицейские поднялись по ступенькам лестницы, опоясывающей фасад. Ивана ни черта не понимала в архитектуре, но инстинктивно угадывала в этой вилле успех. Гигантский аквариум производил впечатление.

Ньеман позвонил, по привычке поправил очки, одернул плащ и приготовился ждать. Ивана стояла чуть сзади, переминаясь с ноги на ногу. Она... робела. Графиня хороша собой, богата и блистательна, то есть наделена теми качествами, которые у нее самой отсутствуют как класс. Пусть даже в «хорошие» дни лейтенант выглядела миленькой и очаровательной.

Лаура фон Гейерсберг сама открыла дверь.

«Реальная версия» мгновенно заставляла забыть фотографии в глянцевых журналах. Роскошная, но высокомерная особа, запечатленная папарацци, не имела ничего общего со стоявшей перед ними улыбчивой женщиной. Высокая – практически вровень с комиссаром, с роскошными черными локонами и изящным телом (такие фигуры созданы, чтобы носить самую элегантную одежду – платья знаменитых модельеров, обтягивающие джинсы, кашемировые свитера и туфли-балетки, вот как сегодня).

Пристальный «осмотр» продлился одно короткое мгнове-

ние, но женщинам этого достаточно. Шея у Лауры фон Гейерсберг была длинная, как у Умы Турман, брови – как у индейских женщин, глаза – темные и странно блестящие. Прямой тонкий нос, чувственные, пухлые – от природы! – губы дополняли картинку. Во всем этом великолепии была, впрочем, некоторая сдержанность, как будто лицо, обрамленное гривой в стиле восьмидесятых, хотело выглядеть застенчивым.

Лаура не накрасилась, не надела никаких украшений и выглядела не лучшим образом: лицо осунулось, под глазами запали тени, – но всё это делало ее только красивее. Так тело великого атлета сильнее всего впечатляет на пике усилия, в противостоянии с собой, соперниками и рекордом, который он решил побить.

– Добрый вечер, – сказала красавица, протягивая белую, с узким запястьем руку. – Я – Лаура фон Гейерсберг.

– Майор Пьер Ньеман, – представился комиссар, и его голос прозвучал чуточку слишком уверенно, как будто он репетировал перед зеркалом. – Это моя коллега, лейтенант Ивана Богданович.

Ивана только что реверанс не сделала, чувствуя себя соблазнительной, как выползший из-под раковины таракан.

– Я звонила вам сегодня, после полудня, – сипло произнесла она, вознамерившись доказать, что тараканы – тоже люди. Ей никак не удавалось отвести взгляд от шевелюры хозяйки дома. «Везет же некоторым!» – думала она, едва

справляясь с досадой. Свои собственные волосы Ивана всегда мысленно сравнивала со щетиной швабры.

Лаура держала руки в карманах джинсов и смотрела на полицейских, переводя взгляд с одного лица на другое.

– Я не совсем понимаю... – произнесла она на безупречном французском. – Жандармы уже допросили меня...

Ньеман поклонился – по-военному сдержанно – и пояснил:

– Скажем так... быстро успехов в расследовании добиться не удалось, и нас прислали «на усиление»...

Лаура отодвинулась, позволяя им пройти. В огромной комнате не оказалось несущих элементов – ни стен, ни колонн, все пространство купалось в оранжево-рыжевато-свете.

В первый момент возникало ощущение пустоты, но, взглядевшись, глаза различали сундук, рояль, диван, а в центре – огромный гигантский камин, напоминающий перевернутый перископ. В стеклянных поверхностях отражались коричневые стволы и зеленые лапы елей...

– Стекланный Дом! – представила свое жилище Лаура. – Мой прадед был фанатичным поклонником Баухауса. Он заказал строительство в тридцатые годы. Я обожаю это место.

– Кто был архитектором?

– Ученик Людвиг Мис ван дер Роэ. Друг семьи. Он даже опередил своего мастера, который только в пятидесятых годах создал Кроун-Холл – здание архитектурного колле-

джа Иллинойсского технологического института и загородный дом для миссис Фарнсуорт, которая была возлюбленной Роэ...

Женщина произнесла имена и названия как нечто само собой разумеющееся, а Ивана даже имя и фамилию архитектора едва разобрала.

Графиня направилась к зоне гостиной, образованной диваном цвета охры и табуретами с сиденьями из переплетенных полос кожи. На полу лежала медвежья шкура.

– Юрген тоже жил здесь? – поинтересовался Ньеман, следуя за хозяйкой.

Графиня обернулась. Руки она так и держала в карманах, что придавало ей сходство с совсем юной девушкой.

– Станный вопрос... Нет, конечно, у него был свой дом во Фрайбурге.

Кивком подбородка Лаура указала на два табурета: это был скорее приказ, чем приглашение. Полицейские молча уселись.

– Так что вы хотите знать? – спросила графиня, устроившись напротив них на диване. Она зажала сложенные вместе ладони между коленями и подняла плечи, словно вдруг замерзла, и эта поза показалась Иване искусно рассчитанной. Темные глаза Лауры готовы были пролиться слезами, они держали собеседников на расстоянии, гипнотизировали, как звездное небо.

Лейтенант взглянула на Ньемана и получила подтвержде-

ние своим опасениям: этот Млечный Путь уже поглотил комиссара.

– Нам очень жаль, что приходится возвращать вас к болезненным воспоминаниям... – произнес Ньеман непривычно мягким тоном.

Они впервые вместе проводили допрос, и Ивана никак не ожидала от своего шефа подобной предупредительности. Неужели дело в возрасте? Или он тает, как масло на раскаленной сковороде, в присутствии красавицы-графини?

Вместо ответа Лаура фон Гейерсберг сделала нетерпеливый жест рукой: «Ближе к делу, старина...»

– Когда вы в последний раз видели Юргена?

– Как и все – в полдень субботы. Мы завтракали с гостями в охотничьем павильоне. Брат заглянул ненадолго – он терпеть не мог подобные мероприятия.

– Псовую охоту? – встряла Ивана.

– Нет, сопутствующие ей светские развлечения. Я тоже не большая их поклонница, но соблюдение традиций позволяет сохранять контакт с торговыми партнерами и влиятельными людьми земли Баден-Вюртемберг.

– После этого от Юргена не было известий? – снова взял слово Ньеман.

– Никаких.

– Ни звонка, ни эсэмэски?

Лаура фон Гейерсберг неприятно улыбнулась:



– Зачем вы спрашиваете? Я ведь уже ответила, разве нет?

Графиня была в курсе, что у майора уже есть распечатка звонков Юргена.

– Конечно, конечно. Последний звонок он сделал вам.

– Верно. – Лаура кивнула. – Около трех, в субботу.

– Что он сказал?

– Ничего заслуживающего особого внимания. Хотел знать, все ли в порядке с гостями, пообещал быть на ужине.

– Его отсутствие вас не встревожило?

Лаура развернула ладони, как листья лотоса.

– У Юргена была привычка исчезать... правда, не больше чем на сутки. И я знала, что он будет на охоте, завтра утром. Он ни за что бы ее не пропустил.

Ивана осознала, что ее правая нога трясется, как всегда, если она нервничала. Она давно – и пока безуспешно – боролась с комплексом маленькой жалкой обитательницы пригорода. Давняя глубокая душевная рана со временем нагноилась и породила большинство ее «гангрен» – ярость, ненависть, стыд...

– Но в воскресенье утром его не оказалось? – Она, как садистка, ударила по больному месту.

Лаура подняла глаза к потолку и заговорила неопределенным тоном, словно бы переместившись в параллельное пространство своих снов и желаний.

– Я думала, он появится в лесу. – Лаура понизила голос. – Юрген любил сюрпризы.

Ньеман «перехватил управление», желая помочь ей справиться с внезапным изнеможением и помешать Иване впасть в еще большую агрессию.

– Что вы можете рассказать о личной жизни брата? Он с кем-нибудь встречался?

Лаура достала пачку сигарет, предложила полицейским. Ньеман отказался. Ивана обрадованно кивнула, удивленная жестом графини и тем, что во «дворце» разрешают курить.

Женщины неожиданно почувствовали себя союзницами, и Ивана изменила мнение и о хозяйке дома, и о себе. Эта женщина – не зазнайка, а она сама – не хлам с помойки.

Несколько секунд Ивана наслаждалась вкусом табака. Комната почему-то стала напоминать ей армянскую церковь: мебель блестела, как оклады икон, а завитки дыма были похожи на курящийся ладан.

– Вам наверняка рассказали о его... экзотических вкусах, – сказала наконец Лаура, – но голову Юргену отрезали не за то, что он оттягивался в СМ-клубах...

– Вы, скорее всего, правы, но он мог встретить там опасного человека.

– Не мог. Это сообщество безобидно, хотя слухи о них ходят прямо противоположные.

Ньеман не стал комментировать ее мнение и задал следующий вопрос:

– Вы тоже там бываете?

– О чем вы?

– О садомазохистских заведениях и вечеринках.

Лаура улыбнулась – на сей раз по-настоящему, ее позабавило предположение полицейского. Она была удивительным созданием и проявляла все больше человечности и сердечной теплоты, что совершенно противоречило ее общественному положению и финансовому статусу. Графиня стала вдвое обаятельнее... если такое возможно.

– Легко понять, что вы не из наших мест, – бросила она.

– Почему?

– Потому что никто не говорил со мной так откровенно... Давно не говорил.

Ньеман поклонился, что оказалось нелегко, учитывая, что он не стоял, а сидел, так что изящества в этом жесте извинения оказалось маловато.

– Я не слишком искушен в этикете, простите меня.

– Никаких проблем. Нет, я не посещаю *такие* клубы. Вкусы у меня более... традиционные. Брат дразнил меня, называл *мещанкой*.

Ивана, успокоившаяся благодаря никотину, задала следующий вопрос:

– У Юргена были враги?

Лаура фон Гейерсберг встала, обошла диван. Лес за ее спиной заполнился сумерками.

– Наша семья стоит миллиарды долларов. Это вызывает зависть, ревность и другие пагубные чувства.

Полицейские переглянулись: они чувствовали себя по-ду-

рачки на табуретах с кожаными сиденьями.

Ивана решила подняться на ноги.

– Вы уже получали угрозы? – спросила она.

– Ни одной! Все всегда нам улыбаются. Мой отец говорил:

«С такими друзьями враги не нужны...»

– Думаете, вам грозит опасность?

– А вы?

Ньеман тоже встал – и получилась почти балетная сцена.

– Ни у вас, ни у Юргена нет детей, – продолжил он. – Кто наследует в случае несчастья?

– Все, что нам принадлежит, будет поделено между членами семьи, в том числе ближайшими родственниками, кузенами Удо и Максом.

В этот момент Ивана ощутила аромат духов Лауры – простой, естественный, сладко-растительный, с ноткой волшебства.

– Они могут желать вам смерти? – Вопрос был задан в лоб, намеренно грубо, чтобы справиться с очарованием хозяйки дома.

Лаура посмотрела на лейтенанта через плечо и улыбнулась ее наивности:

– Нет. Они почти так же богаты, а интересуют их исключительно женщины и охота.

– Они участвовали в субботнем развлечении?

– Конечно, но повторяю: забудьте об Удо с Максом, они совершенно безобидны – для всех, кроме двадцатипятилет-

них красоток с упругими попками.

Ивана дала задний ход, уступив подачу Ньеману, стоявшему прямо перед Лаурой фон Гейерсберг.

– Вы говорите об охоте... – начал он очень серьезно. – А что скажете об... инсценировке с телом Юргена?

Взгляд Лауры совершенно переменился. Улыбка и ирония исчезли, но не было и грусти. Только холодная, концентрированная, как лед, ярость.

– Гнусная имитация охоты с подхода...

– Можете предположить, в чем ее смысл?

Лаура обошла Ньемана и остановилась у громадного окна.

– Наша страсть к охоте известна всем. Мы много сделали, чтобы она стала популярной среди жителей этой части страны, так что я не исключаю провокации.

Комиссар присоединился к ней, превратив трио в дуэт, и спросил:

– А вы сами охотитесь с подхода?

– В детстве я много практиковалась с братом, а сейчас у меня – увы – не хватает времени на охоту.

– Но Эльзас – особая статья, так?

– Мы устраиваем охоту во Франции несколько раз в год и облавы на наших землях в Германии, но это скорее светские мероприятия, не имеющие ничего общего с «забавами» нашей юности...

Слова хозяйки дома иллюстрировала оружейная пирамида у каменной стены, украшавшая вход в коридор. «Вряд ли

весь этот дом стеклянный, – сказала себе Ивана, – в другой его части наверняка использовали материалы попрочнее».

Лейтенант Богданович была не сильна в баллистике, но и она могла с первого взгляда определить, что ружья на стойке – лучшие из всех возможных образчиков. Были среди них и уникальные. Некоторые деревянные приклады казались сделанными из золота, металлические части украшала искусная гравировка.

– А Юрген, – не отступался Ньеман, – все еще практиковал охоту с подхода?

– Кажется, да. На этот счет он со мной не откровенничал...

– Где вы были в ночь с субботы на воскресенье?

– Где я?... Здесь.

– Одна?

– Нет. Я вернулась домой с одним из моих коммерческих директоров.

– Помните, с кем именно?

Пытаясь быть жестким, Ньеман скатился к бессмысленной грубости.

– Добрая старая французская напористость... Вы великолепны в этой роли, майор. Узнайте фамилию у ваших эльзасских коллег – это было первое, чем они поинтересовались. Я...

– Штефан Грибе, – вмешалась в разговор Ивана. – Алиби госпожи графини уже проверили.

– Алиби? – повторила Лаура, скрестив руки на груди. – А вы не слишком далеко заходите?

– Это фигура речи... – Ньеман решил понизить градус разговора.

Ивана перевела взгляд на фотографии в серебряных рамках, стоявшие на крышке рояля. Она подошла ближе и увидела изображения брата и сестры в разном возрасте. На первом снимке подросткам было лет двенадцать – четырнадцать, они позировали во дворе замка, достойного фантазии Уолта Диснея.

Лауру едва можно было узнать, к ее плечу притулился рыжеволосый мальчик, видимо Юрген, совершенно не похожий на мужчину, чьи фотографии лейтенант видела в деле. После тридцати наследник рода фон Гейерсбергов приобрел медальные черты лица и фигуру атлета.

Самой поразительной деталью на карточке были огромные охотничьи ружья – их держали дети в пальтишках из плотной шерсти. Брат и сестра росли с медной пулей во рту<sup>12</sup>.

Из-за спины Ивана протянулась рука, и рамка с фотографией исчезла из ее поля зрения.

– Мы с Юргеном были как близнецы, – задумчиво произнесла Лаура, глядя на снимок. – Синхронно испытывали одни и те же чувства. Это было... естественно.

---

<sup>12</sup> *Пуля во рту* – знак того, что солдат готов к бою в любой миг – во время атаки он держит пули за щекой, чтобы не тратить время на доставание их из патронташа.

Женщина разволновалась – наконец-то!

– А по работе вы хорошо ладили? – спросила Ивана.

По лицу Лауры пробежала судорога.

– Я только что сказала вам, что мы с братом составляли единое существо! – Ее тон выражал неприкрытое презрение к идиотским вопросам легавых вообще и к двум придуркам, заявившимся к ней в дом, в частности.

Она провела ладонью по лицу:

– Прошу меня извинить... Потеряв Юргена, я лишилась смысла жизни...

Неловкую, мучительную паузу прервал шум мотора, по потолку метнулся голубоватый блик. Лаура вернулась к окну и увидела, как во дворе паркуются бело-синие машины с надписью «POLIZEI» на борту.

– Ваши немецкие коллеги, – прокомментировала она, вытирая слезы. – Ваш приезд не остался незамеченным.



Ночь зарождалась в лесу, а вместе с ней холод – безжалостный, влажный, пробирающий до костей.

Ивана застегнула куртку и украдкой бросила взгляд на Ньемана: он, как обычно, ничего не заметил. Альфа-самец с седым ежиком волос, в очках, какие носили учителя времен последней мировой войны. Он двигался навстречу своему немецкому *альтер эго*, совершенно готовый к сваре.

Она сфокусировала внимание на прибывающих и оценила общую картину: небрежно припаркованные «БМВ», синеватые ксеноновые фары, черные силуэты полицейских, украшенные золотыми гербами... Скорее солдаты, чем обычные легавые. Неплохо...

«Батальон» возглавлял мужчина среднего роста и более чем скромного телосложения, он и в пухлом анораке с надписью «Государственное управление уголовной полиции Баден-Вюртемберга» не выглядел крепышом. Лысоватый, в круглых очках а-ля Ньеман, с бородкой, делавшей его похожим на профессора Турнесоля<sup>13</sup>. Не любимец дам...

И все-таки у Иваны мурашки побежали по коже.

Вглядевшись, лейтенант заметила благородный высокий лоб, цепкий взгляд, энергичное лицо. Похож на мушкетера.

---

<sup>13</sup> *Турнесоль* – гениальный рассеянный ученый из серии комиксов «Приключения Тинтина».

Он прочно стоял на гравии двора, являя собой центр притяжения для других полицейских. Этот человек был их шефом, он излучал силу и власть.

Ивана сразу поняла две истины: он ей нравится и он доставит им массу неприятностей.

– Я Фабиан Кляйнерт, начальник уголовной полиции земли Баден-Вюртемберг, – сказал он, протягивая Ньеману визитку. – Это аналог вашей криминальной полиции.

Кляйнерт тоже говорил по-французски. Неужели язык Вольтера – обязательная дисциплина в местных школах?

Ньеман не глядя сунул карточку в карман:

– Майор Пьер Ньеман, лейтенант Ивана Богданович. Мы сотрудники Центрального бюро по расследованию особо тяжких преступлений. Аналогов в природе не имеет.

– То есть? – Кляйнерт нахмурился.

– Бюро создано для оказания помощи силам полиции и жандармерии в особо сложных делах.

– Нам не нужна помощь.

– Наш опыт поможет вам взглянуть на смерть Юргена фон Гейерсберга под другим углом.

– Что за опыт?

Ивана боялась услышать оскорбительное замечание, но Ньеман улыбался. Майор явно решил беречь нервы, а это гораздо хуже его обычного брюзжания.

– Преступный, – спокойно произнес майор. – В Париже народу больше, чем где бы то ни было во Франции, соответ-

ственно, и сумасшедших, и убийц-социопатов тоже больше. Я занимаюсь ими каждый день, тридцать лет подряд.

Немецкий полицейский упрямо покачал головой:

– Прокурор Кольмара уже объяснил мне все это.

В этот момент он вспомнил, что вызвало у него такое раздражение:

– Когда вы собирались предупредить нас о своем присутствии в Германии?

– Мы едва успели появиться, а вы уже предъявляете нам претензии...

– Но с Филиппом Шуллером уже поговорили, а теперь взялись за графиню Лауру фон Гейерсберг...

– Новости быстро распространяются.

Кляйнерт удостоил коротким взглядом Ивану и снова посмотрел на Ньемана:

– Вы на моей территории. Наше начальство пришло к согласию в рамках какого-то европейского договора, но отдавать приказы все равно буду я.

– Исключено. Мы наделены...

Кляйнерт устало отмахнулся:

– Вы в любом случае появились слишком поздно. Мы задержали виновного.

– И ничего нам не сказали! – возмутилась Ивана.

– Ваши эльзасские коллеги еще не в курсе.

– Кто он?

– Томас Краус, активист движения «Стоп-охота!».

– Француз?

– Немец. Мы держим его в Оффенбурге. Признался сегодня утром.

Ивана вспомнила, что видела фамилию в списке самых опасных политических террористов.

– Могу я его допросить? – поинтересовался Ньеман.

– Завтра. Сегодня вечером Крауса переведут во Фрайбург. Мы поговорим с ним вместе, потом заполним документы на экстрадицию.

– Он объяснил причину своего поступка? – спросила Ивана.

– Заявил, что убийство Юргена фон Гейерсберга – гуманитарный акт и что, будь он свободен, помочился бы на могилу негодяя. Годится в качестве мотива?

Ньеман посмотрел на Ивану. Его улыбка могла означать одно: «А я что говорил, дорогая? Для успешного старта всегда необходим кретин, жаждущий оговорить себя!» Она не собиралась спорить, хотя сама предлагала проверить охотничье окружение убиенного. Нет, Юргену не могли отрезать голову за любовь к охоте. Краус – обычный фанатик, которому захотелось поиграть в мученика.

– Давайте оградим графиню от лишних страданий, – предложил немец. – Не стоит сообщать ей новость, пока не будем уверены на сто процентов... Пусть ей звонит прокурор.

Они пришли к согласию.

Немец хотел *оградить* графиню – и не только из-за деся-

тимиллиардного состояния, – что делало его человечнее, но он поспешил добавить:

– Жду завтра подробную расшифровку ваших бесед.

Ньеман изменился в лице – в прямом смысле слова: одна только мысль о писанине повергала его в ужас. Соглашаясь работать с ним, Ивана осознала, что обрекает себя на бумажную работу.

– Пришлем все, когда вернемся во Францию, и...

– Нет! Любой допрос, проведенный на немецкой земле, должен быть утвержден моей службой в течение двадцати четырех часов. Таковы правила.

Кляйнерт сделал знак одному из своих людей, и тот подошел, держа под мышкой папку. Он передал ее своему шефу, тот – Ньеману.

– Мы сделали перевод основных моментов наших расследований. Коллеги в Кольмаре уже их получили.

Ньеман упорно молчал.

– Спасибо, комиссар... – Ивана понимала, что придется быть вежливой за двоих.

– Вам есть где переночевать? – спросил Кляйнерт, не обращая внимания на ее жалкий лепет.

– Разберемся...

Немец, не попрощавшись, пошел к своей машине, и кто-то из подчиненных тут же открыл перед ним дверцу. Да уж, воистину германский эскадрон!

Садясь в «БМВ», комиссар как-то странно, по-птичьи,

склонил голову и посмотрел на Ивану, а потом исчез, как брошенный в колодец камень.

– Он на тебя запал, – хмыкнул Ньеман.

– Да он ни одного мгновения не воспринимал меня всерьез!

– Расцениваю твои слова как почти признание.

Она почувствовала, что краснеет. Проклятье, стоит ей услышать самый невинный комплимент, лицо вспыхивает, как газовая горелка.

– Как прошло первое соприкосновение с нашими силами правопорядка?

Лаура стояла на верхней ступеньке, накинув на плечи кашемировый свитер. В Стеклянном Доме зажегся свет, и он превратился в космический корабль на стартовой площадке.

«Она-то наверняка не краснеет...» – завистливо подумала Ивана.

– Графиня... слишком чопорная, – одними губами произнес Ньеман.

– Здесь это стандартная процедура. Знаете, почему в тысяча девятьсот тридцать третьем году пожарные дали Рейхстагу сгореть?

– Нет.

– Из-за табличек: «По газонам не ходить!»

– Забавно... – не слишком уверенно прокомментировал майор.

– Успокойтесь, это немецкий юмор. Я велела приготовить

для вас комнаты.

Полицейские не сумели скрыть удивления.

– Гостеприимство – традиция нашей семьи. Я пригласила кузенов на ужин. Сможете допросить их – даже ехать никуда не придется.

Лаура вернулась в свой огромный дом, а Ньеман с Иваной переглянулись, гадая: гостеприимство или засада?

Ивана никогда не видела таких просторных комнат – не меньше пятидесяти квадратных метров, да еще две стеклянные стены. Она подошла ближе, чтобы взглянуть на лежащий у ног парк, раздвинула белые шторы, и ей показалось, что пространство, где она находилась, опрокинулось в пустоту просвечивающим водопадом.

Лейтенант задернула занавески и обернулась. Комната выглядела не только огромной, но и сказочной. Стены, обитые панелями, наводили на мысль о горном шале. Невысокие сундуки из тикового дерева цвета меда радовали глаз простыми формами без всяких украшательств. В комнате витал дух Рождества и безмятежных грез.

Первым побуждением Ивана было разуться и пройти босиком по паркету. Она жмурилась от удовольствия, впитывая по капле роскошь натуральных материалов.

Она стряхнула неуместное опьянение чужим богатством, открыла сумку и задумалась: а нет ли тут конфликта интересов, следовало ли в разгар расследования ночевать у сводельницы?

Ожил ее телефон, она взглянула на экран и внутренне содрогнулась.

– Алло...

Молчание.



– Алло...

Нет ответа.

Еще раз посмотрев на фотографию молодого человека, занимавшего все ее мысли, навевавшего кошмары и нежно любимого, она отключилась, не надеясь вытянуть из него хоть один звук.

По большому счету она заслужила эту тишину и мучившие ее днем и ночью навязчивые звонки.

Ивана легла на спину поперек кровати, сложив руки на груди. Что они тут забыли? Она закрыла глаза и задумалась о себе, как делала всегда, чтобы понять, правильную ли дорогу выбрала. Направление никогда не менялось: она стремилась уйти как можно дальше от своего прошлого, бежать со всех ног от черной дыры, извергнувшей ее в мир, как сливовую косточку.

«Гибридным» происхождением Ивана напоминала автомобили. Отец хорват, мать француженка, родилась в квартале Гранд-Борн в коммуне Гриньи, в департаменте Эсон – дальнем парижском пригороде, превратившемся со временем в зону беззакония.

Настоящую опасность для маленькой Иваны представляла ее семья.

Отец часто повторял – якобы хорватскую – пословицу, которую почти наверняка придумал сам: «Лучше сломаться, чем согнуться!» Ивана не знала, что именно сделал он сам, но никогда не видела его трезвым. Мать вела себя немногим

лучше. Воспоминания о родителях были однообразными – как и их манера вести себя: они лаялись, напивались и дрались, позволяя дочери самой о себе заботиться.

В шесть лет девочка умела приготовить завтрак, одеться и в одиночку отправиться в школу. Не «Маленький домик в прериях»<sup>14</sup>, и не она первая, не она последняя. В 1991 году отец Иваны постановил: «Возвращаемся на родину, Хорватия теперь независимая страна!» По какой-то неведомой причине он верил, что именно там жизнь даст ему второй шанс. Должно быть, ее папаша невнимательно слушал новости и «не замечал», что референдум о независимости развязал конфликт, который продлится пять лет. В Вуковаре семью ждали ракетные обстрелы и пули снайперов.

Ивана помнила, что в путь они отправились на «панде». Она радовалась неожиданным каникулам, но в дороге случилось нечто неожиданное. Ночью – Ивана спала на заднем сиденье – они пересекли границу (у отца остался югославский паспорт) и ехали на восток, когда накачавшийся под завязку папаша впал в ярость, ударил мать и потерял контроль над машиной.

Когда Ивана открыла глаза, машина стояла двумя колеса-

---

<sup>14</sup> «Маленький домик в прериях» – серия детских книг классика американской литературы Лоры Инглз Уайлдер о временах освоения Америки (конец XIX века). Это истории о семье первопоселенцев, которым приходится то жить «в норе, словно кролики», то «сражаться с огненными колесами», то с саранчой, то с волками, то учиться ладить с индейцами и даже самим строить дом на краю огромных лесов Висконсина.

ми в кювете. В салоне никого не было. Она с трудом выбралась наружу, и ей открылось жуткое зрелище: отец домкратом добивал мать.

Девочка побежала по дороге, а он мчался следом, решив прикончить свою *любимую малышку*. Спасла Ивану, как это ни смешно, война. Пулеметная очередь из самолета *JNA* разорвала безумца пополам в тот самый момент, когда он занес руку для удара. Ивана была в шоке, она оглохла от пальбы и ослепла от огня, лизавшего асфальт.

Все, что было дальше, значения не имеет. «Голубые каски», санитарная репатриация, больница. Год она не разговаривала, потом голос вернулся, и началось более или менее нормальное детство. Интернаты, приемные семьи, школы... Ивана жила как в анабиозе, желая лишь смерти и разрушения. Анорексия, самокалечение, попытки самоубийства – она все перепробовала. Если стартуешь с самого низа, нужно очень стараться выделиться, но она выбрала другой путь: «окуклилась» еще прочнее в мире наркотиков и насилия.

А потом явился ангел-спаситель.

Видок у него был тот еще: сорок лет, ежик седеющих волос, круглые «учительские» очки – вылитый военный инструктор.

Трижды она встретила его на своем пути.

В первый раз – ночью, на стоянке в Олнэ-су-Буа: ей было пятнадцать, и она разрядила обойму, стреляя в своего наркоторска.

Второй раз дело было днем. Она только что получила диплом Школы полиции Канн-Эклюз. Надела в кампусе свою каскетку на голову наставнику и сфотографировалась с ним. Получилось самое ценное селфи в телефоне.

В третий раз он ждал ее под дождем, на выходе из комиссариата Версаля, где она служила уже три года.

«Хочешь работать со мной?»

За кофе Ньеман изложил ей суть невероятного проекта: национальная бригада «с развязанными руками», наделенная полномочиями на всей территории страны, помогающая полицейским и жандармам в расследовании особо запутанных кровавых преступлений. Ивана воздержалась от вопроса насчет значения слова «особо». Она слышала о Гернонском деле. Расследуя его, Ньеман лишился жизни. Почти лишился. Другой полицейский, молодой араб, вышел из передряги живым, но отказался говорить о проклятии, павшем на этот университетский городок в Альпах. Иными словами, Ньеман знал о необычных преступлениях больше многих.

Она не колебалась ни секунды. После Школы ее направили в Луи-Блан, один из самых «горячих» комиссариатов Парижа, где она умирала от скуки, перебирая бумажки и патрулируя улицы. Потом был Версаль, куда ее перевели «за образцовую службу», она получила звание лейтенанта и превратилась в типичного мелкого функционера. Еще чуть-чуть, и она поселилась бы в студии на одной из парижских авеню, выгуливала бы собачку, посмотрев очередную серию

от *Netflix*<sup>15</sup>, и пила утренний кофе, любуясь видом королевского замка...

Она потянулась на кровати и потерла ладонями лицо. Вердикт обжалованию не подлежит: она движется в правильном направлении. Ньеман в очередной раз спас ее, предложив гениальную работу: сажать в тюрьму отморожков. Они нырнут во тьму, будут искать убийц и вершить правосудие.

В глубине души рыжеволосая Ивана Богданович всегда знала, что невзгоды судьбы предопределили ее особый профессиональный путь: преследовать душегубов, копать в них в мозгах и припирать к стенке. Не нужно быть дедушкой Фрейдом, чтобы понимать: производя арест, она снова и снова надевает наручники на собственного отца... Каждый по-своему изгоняет дьявола.

Она решила принять душ и в очередной раз по-детски восхитилась красотой обстановки. Стены были отделаны белым кафелем-кабанчиком, мебель и основание ванны и раковины из черного тика контрастировали с больничным сверканием стен.

Ее взгляд на несколько секунд задержался на кранах кубической формы: она впервые попала в дом, где все детали были так точно продуманы и отделаны. В каждом элементе вибрировала душа художника, сумевшего возвести буднич-

---

<sup>15</sup> *Netflix* – кинокомпания, которая снимает, выпускает и выкладывает в сеть фильмы и сериалы. Главное достоинство компании – в день премьеры *Netflix* выкладывают сразу все серии подряд. «Можно завернуться в плед, взять кружку горячего какао и приготовиться к многочасовому просмотру фильмов».

ную жизнь в ранг произведения искусства.

На глаза Иваны навернулись слезы, она «разнюнилась», разозлилась на себя и встала под максимально горячий душ. Молодая женщина всегда мылась «по-японски» — вода не меньше сорока двух градусов — и вылезала ярко-розовая, как молочный поросенок на вертеле.

Через несколько минут ванная превратилась в хаммам, зеркало запотело, она протерла его полотенцем, уставилась на свое отражение и... ужаснулась.

Как ей одеться, чтобы не выглядеть пугалом рядом с графиней?

Ивана надела лифчик, трусики и тут сообразила, что, во-первых, «на случай необходимости» взяла с собой только маленькое черное платье, а во-вторых, до ужина целый час, потому что сбор гостей назначен на девять.

Она натянула свитер, спортивные брюки и погрузилась в полученное от Кляйнерта досье. В общих чертах лейтенант Богданович была знакома с делом и теперь сосредоточилась на том, что касалось Юргена фон Гейерсберга.

Родился в 1974 году, учился, как всякий истинный немецкий аристократ, в швейцарском пансионе близ Базеля, в Констанцском университете, одном из лучших в Германии, на кафедре политики и управления, и в Высшей коммерческой школе в Париже. Потом оказался в престижной бизнес-школе университета Наварры<sup>16</sup>.

Юрген не торопился начинать трудовую биографию, но преждевременная смерть отца в 2014 году вынудила его встать у руля компании VG вместе с сестрой, которой также пришлось предпочесть семейный бизнес французской литературе и древнегреческим философам.

Ивана прочла много статей об успешности этой парочки, но в папке она нашла материалы на французском, где было

---

<sup>16</sup> Наваррская бизнес-школа входит в десятку лучших учебных бизнес-центров планеты.

много неизвестных ей подробностей. Стиль управления дуэта был скорее строгим, эту манеру Юрген и Лаура унаследовали от своего отца Фердинанда фон Гейерсберга. Наследникам удалось за два года нажить врагов без счета – внутри компании и вне ее. Впрочем, как сказал Ньеман, трудно поверить, что уволенный сотрудник или патрон компании-соперницы стоят за этим зверским умерщвлением.

Она открыла очередную папку и перешла к истории семьи. Кляйнерт подшил к делу статью из журнала *Point de vue*<sup>17</sup>, где подробно излагалась сага династии Гейерсбергов.

Род восходил к эпохе Каролингов<sup>18</sup>, когда германские народы дали французскому королевству его идентичность. Ивана пошла по столетиям: Средневековье – Возрождение – Тридцатилетняя война – Просвещение. Гейерсберги были вездесущи. В начале девятнадцатого века они сыграли важную роль в образовании Великого герцогства Баден, которое позже станет частью земли Баден-Вюртемберг.

Ивана пропустила прославленных предков и занялась Фердинандом, отцом Юргена. К сожалению, почти весь материал был на немецком, но лейтенант надеялась справиться с помощью онлайн-ового словаря.

Фердинанд фон Гейерсберг родился после войны и по-

---

<sup>17</sup> «Точка зрения» (фр.).

<sup>18</sup> *Каролинги* – королевская и императорская династия в государстве франков (751–987), а после ее распада – в Западно-Франкском королевстве, в Италии и в некоторых мелких государствах.



шел по следам отца, капитана промышленности, который в шестидесятые годы во многом способствовал подъему экономики Западной Германии. В восьмидесятые Фердинанд умножил успехи группы VG: управлял заводами железной рукой, зарегистрировал множество электронных патентов и добился такого положения, когда большинство конструкторов, в том числе «Порше», бриллиант в короне Баден-Вюртемберга, не могли без него обойтись.

Фердинанда фон Гейерсберга мало волновал его публичный образ. Сдержанный – чтобы не сказать замкнутый – человек, истинный ариец: холодный, строгий, суровый, он смеялся, когда обжигался, и всегда носил перчатки. Умер Фердинанд в 2014-м, от нарушения мозгового кровообращения, в шестьдесят восемь лет, пережив жену всего на два года.

О ней – ни слова. Через несколько лет после смерти фрау Гейерсберг один швейцарский журнал опубликовал длинный панегирик. Урожденная Сабина де Верль, из знатной швабской семьи (соседняя с Великим герцогством область), юрист по образованию, адвокат, она словно бы никогда не существовала. Замуж за Фердинанда Сабина вышла в двадцать четыре года. Ее единственной страстью была верховая езда, лошади. Спортивная, подвижная, пышущая здоровьем, она управляла конюшней на пятьдесят голов.

Само собой разумеется, что при такой жизни у нее не оставалось времени на воспитание детей и заботу о муже, который, впрочем, тоже отдавал предпочтение работе.

Еще меньше интересовали Сабину окружавшие ее людишки, «несчастненькие», вынужденные трудиться, чтобы жить.

Такой была «витрина». На самом же деле Сабина страдала психическими расстройствами, которые семья тщательно скрывала от окружающих. В 2012 году она отправилась в Америку, где на Манхэттене должен был состояться аукцион произведений современного искусства. Сабина остановилась в отеле «Сен-Реджис», на Пятой авеню, в апартаментах на двенадцатом этаже. Зашла в каждую комнату, открыла окна в главной гостиной, дала на чай коридорному. А оставшись одна, бросилась вниз.

Каким было детство Юргена и Лауры с подобными родителями? «Близнецы», – сказала она. Ивана легко могла представить, насколько они были близки в окружавшем их пузыре равнодушия. Отсутствующие родители, равнодушные гувернантки, роскошные развлечения и общая страсть – охота. Подростки стали молодыми людьми с дипломами, героями газетно-журнальных репортажей и элитными стрелками с сердцами ледяными, как ружейный затвор.

В досье было много снимков взрослого Юргена. Он остался рыжим, но превратился в атлета с розовой кожей, томного и беспечного. Его двойственная натура завораживала дам. Юрген воспринимал свой цвет волос как преимущество, а вот Иване это не удалось.

Лейтенант перебирала фотографии: Юрген на своей яхте в Сен-Тропе, в золотистом американском смокинге на Иби-

це... Молодой наследник империи умел наслаждаться жизнью. Красавец-аристократ, супербогач, управляющий своей технологической компанией с помощью младшей сестры, не чуждающийся радостей клуббинга и секса. Истинный герой нашего времени. Если он не зарабатывал миллиарды, не крутил интрижки с топ-моделями, то уходил в лес проливать кровь невинных животных.

Все это тоже было не более чем витриной. Юрген все имел для счастья, но нравилось ему одно – быть несчастным. Он притягивал любовь и свет, а возбуждали его тень и страдание. Кляйнерт с помощниками уже допросили владельцев «очень частных» клубов, которые фон Гейерсберг посещал в Штутгарте, и нескольких дам – это были «госпожи» – в жестоком смысле этого слова, – которые над ним «властвовали». Никакой двусмысленности: Юрген был «послушником», «рабом». Ему нравились хлыст, прижигания и другие пытки (во время вскрытия патологоанатом обнаружил старые шрамы). Юрген любил, когда его оскорбляют, унижают, закабаляют.

В теле Большого Босса жила душа раба.

Что бы там ни считал Ньеман, Юрген играл с опасностью и вполне мог нарваться на «доминирующего» самца с богатым воображением. Впрочем, немцы проверили алиби всех «любителей боя быков». Можно с легкой душой закрыть папку и вернуться к Ванильному Миру, как садомазохисты называют традиционный секс.

Последний блок статей касался непосредственно убийства и оказался... самым неинтересным. Газетчики, блогеры, авторы твиттов на немецком, французском, английском были «единодушны»: они ни черта не знали и несли окоlesiцу.

Ожил мобильник Иваны. Это был сигнал будильника, который она поставила на 20:45, чтобы надеть мягкое платье и напудриться.

Девушка ринулась в ванную, как могла привела себя в порядок – «Попробуем потягаться с графиней!» – вернулась в комнату, закрыла компьютер и убрала фотографии и документы.

«Мы сейчас на этапе классического Клуэдо<sup>19</sup>, – думала она. – Охотничий павильон, знатные гости, ни мобильных, ни автомобилей (еще одна особенность этой охоты: все паркуются у въезда во владения Гейерсбергов, то есть в десяти километрах от охотничьей зоны) плюс неизвестный убийца, затесавшийся среди бомонда. Ладно, старушка, вперед!»

Она разгладила платье ладонями и открыла дверь, запретив себе думать, что ей предстоит сесть за стол с тремя наследниками одного из крупнейших состояний Европы.

---

<sup>19</sup> *Клуэдо* – настольная игра в детективное расследование, где есть Жертвы, Преступники, Свидетели и Сыщики.

Ньеману казалось, что он попал на съемки фильма из старинной жизни. Сначала двусмысленный прием, оказанный им графиней, ее непонятное приглашение остаться ночевать, а теперь вот аперитив «у камелька», как в романе Агаты Кристи.

Шампанское шипело в бокалах, а худо-бедно приодевшиеся Ньеман с Ивановой держались неестественно прямо. Платье лейтенанта могло сойти за вечернее, затяжек на колготках не было (уже спасибо!). Ньеман выбрал пиджак с галстуком, но кобуру с пистолетом сорок пятого калибра не снял. Его одежда выглядела много лучше наряда Иванны, а вот лицо было мятое, он урвал для сна всего два часа. Ньеман, грозный шеф криминальной полиции, резкий и непредсказуемый, превратился в пятидесятивосьмилетнего легавого, который при любом удобном случае задремывает и с трудом нагибается, чтобы завязать шнурки.

Пиджак стеснял движения, галстук душил, бокал лежал в ладони, как маленькая живая птица, а произносил он совершеннейшие банальности.

– Вы прекрасно говорите по-французски. Где вы учили наш язык?

– Прочтите мою биографию, майор, – ответила графиня. – Я много времени провела в Париже. В Сорбонне.

– Я бы скорее вообразил вас в одной из Высших национальных школ.

– Сорбонна – лучшая среди высших. Я изучала там философию и французскую литературу.

Ньеман кивнул, поморщился – воротник больно натирал шею – и пояснил свою мысль:

– Я имел в виду... одну из Высших коммерческих школ.

– Коммерции нельзя научиться! – Улыбка Лауры напомнила полицейскому опасно тонкий край бокала. – У Гейерсбергов она в крови.

– Вы уже вернулись к работе?

– Я и не прерывалась.

Выглядела Лаура феерически: черное платье облегалo тело на манер зентая кукловода<sup>20</sup>, открывая очень бледную спину и сияющие плечи, усыпанные родинками.

Ньеману захотелось произнести тост за знать и ее умение сбивать собеседников с толку. Юрген фон Гейерсберг мертв, убит, а его сестра с блеском играет роль радушной хозяйки, наряженная, как Малефисента.

Комиссар нашел взглядом Ивану. Она рассматривала мебель, пытаясь держаться независимо и свободно, но больше всего напоминала налогового инспектора, приценивающегося к имуществу должника.

– Кляйнерт донес до вас новость? – как бы между прочим поинтересовалась Лаура. – Убийца моего брата арестован.

---

<sup>20</sup> *Зентай* – черное обтягивающее трико из спандекса.

– Кто вам это сказал?

– «Ни один лист не опадает в этой стране без моего ведома».

– Рискуете цитировать генерала Пиночета?

– Хочу утвердить вас в сложившемся на мой счет мнении. – Графиня насмешливо улыбнулась.

– Каком именно?

– Вы наверняка считаете всех богачей мерзавцами, а всех немцев – фашизоидами, потому и находите меня неотразимой.

Ньеман рассмеялся – без всякой натуги.

– Вы верите, что Томас Краус – убийца?

– Ни на секунду! Он давний враг семьи, но не убийца.

– И тем не менее этот человек признался.

– Его признания гроша ломаного не стоят!

– Согласен. Но зачем он оговаривает себя?

– Краус – провокатор, мечтающий стать мучеником.

Смысл его жизни – ненависть к охотникам. Увы – он ничего не понял.

Ньеман против воли посмотрел на руки графини: чистота и сияние кожи были почти невыносимыми. Эта плоть посылала противоречивые сигналы, балансировала между мрамором и веленовой кожей<sup>21</sup>, твердостью и эластичной прозрачностью.

---

<sup>21</sup> *Велень* (фр.) – тонкий сорт пергамента, выделяемый преимущественно из телячьей кожи, выравненный и отполированный.

Он поднял глаза, чтобы стряхнуть наваждение, и тут же уперся взглядом в переплетение синеватых жилок, едва заметных между ключицами. «Дрожат и колышутся, как водоросли подо льдом зимней реки...» – подумал он и едва не зашипел, разозлившись на себя за банальность сравнения.

– Чего именно Краус не понял? – спросил он, пытаясь сосредоточиться.

– Он думает, что защищает природу, регулируя популяции. Природа кормится смертью. У этой слепой машины чувствительность отсутствует.

Все подобные аргументы Ньеман знал наизусть.

– Согласен, хотя способ убийства все равно имеет значение.

Она дружески подмигнула и сказала:

– Как в любви.

Он не знал, как реагировать. Из других уст, в другом контексте он счел бы сказанное провокацией «динамистки». Но сегодня вечером?

В этот момент Лаура как будто насторожилась. Ньеман проследил ее взгляд: Ивана все еще изображала инспектрису из налоговой, изучая ружейную пирамиду, которую майор заметил еще в начале вечера.

– Вас интересует огнестрельное оружие? – спросила графиня, присоединившись к девушке.

– Вовсе нет.

Ивана не пыталась быть дружелюбной, у нее едва хвата-



ло сил на элементарную вежливость. Она ненавидела пушки, и Ньеман знал почему.

Сам майор питал к оружию страсть. К любому. Он считал его результатом особой творческой деятельности человека, а то, что *в конечном счете* эта самая деятельность неизбежно ведет к смерти, только добавляет ей красоты.

– Можно? – спросил он, протягивая руку к карабину с оптическим прицелом.

– Наслаждайтесь... – выдохнула графиня, отодвигаясь в сторону.

Майор взял карабин и взвесил его на руке под удивленно-заинтересованным взглядом Лауры. Между ними возникло нечто вроде общности, и Ивана, не скрывая отвращения, вернулась к своей «инвентаризации».

Комиссар любовался тонкой резьбой на прикладе и курке, украшенных дубовыми листьями и сценами охоты... Он с трудом удерживался от желания вскинуть карабин и прицелиться, глядя на лес в оптический прицел.

– Не вижу фабричной марки.

– Все наши ружья уникальны и сделаны в Ферлахе – оружейной столице Австрии. С тысяча двести сорок шестого года здесь живут и работают многие лучшие мастера мира.

Ньеман поддался искушению...

– На какое расстояние отрегулирован прицел?

– Сто метров.

– Как для охоты с подхода.

Он опустил ружье.

Лаура бросила на него укоризненный взгляд:

– Не пытайтесь подловить меня, Ньеман. Я уже говорила, что не участвую в этом виде охоты. И очень давно не использовала это ружье.

Полицейский аккуратно поставил карабин на подставку.

– Которое из них ваше любимое?

Графиня подхватила другое ружье так легко, словно оно весило триста граммов.

– Вот это, для облавы.

Экземпляр был великолепный, с легчайшим налетом патины, подтверждавшим, что им часто пользовались.

– Однозарядное?

– Мой отец говорил: «Если не хватило одной пули, значит вы уже мертвы. А если вы еще здесь, ваша жизнь ничего не стоит».

– Симпатичный был человек. Наверное...

Лаура протянула ему любимую «игрушку»:

– Еще какой!

Ньеман передернул затвор и удивился бесшумности механизма. Еще одно чудо виртуозности.

– Какой калибр?

– Двести семидесятый. Винчестер.

– Патроны?

– Я делаю их в моей мастерской.

Ньеман посмотрел на графиню.

– Пули с мягкой головкой, – продолжила она. – В зависимости от дичи, на которую собираюсь охотиться, я заливаю свинец, сделав расплав в медной оболочке сердечника. Вам не хуже, чем мне, известно, что все зависит от уравнения: *скорость – расстояние – материал – сопротивление ...*

Конечно известно! Свинец деформируется при ударе и принимает форму грибной шляпки, передавая энергию тканям и приводя к смертельному исходу. Но сначала пуля в медной оболочке должна проникнуть в плоть, которая сразу распадается.

– Мне редко удастся поговорить о подобном с дамой.

– Нынешние женщины изменились, – сказала Лаура делано-огорченным тоном.

Она взяла у Ньемана ружье и бережно вернула его в пирамиду.

– Все уходит, – заявила она, – даже невежество.

– А это что? – Комиссар указал на антрацитовый карабин с прицелом того же цвета. Казалось, что он сделан из цельного куска черного мрамора.

– К нему мы не прикасаемся, – ответила Лаура, отступив на шаг. – Это ружье моего отца. Великого стрелка, попадавшего в глаз оленю с двухсот метров.

Ньеман восхищенно покачал головой. Он мог сделать куда лучший выстрел, но решил похвастаться в другой раз.

По гравию зашуршали шины.

– Прибыли мои кузены, – сказала Лаура, повернув голову

к окну. – Пора за стол. – Она лукаво улыбнулась и пошла к двери.

Ньеман решительно не понимал, какой тон выбрать для общения с этой женщиной.

Ей полагается лежать без сил в своей комнате, наглотававшись антидепрессантов, а она стоит рядом с ним в вечернем платье, шутит, играет роль хозяйки великосветского дома, ведет беседу об оружии...

Ньеман чувствовал: приглашение на ужин и ночлег – ловушка, отвлекающий маневр. Она вроде бы собирается представить им членов своей семьи, рассказать о традициях рода Гейерсбергов, а на самом деле пытается скрыть главное.

В голову пришла еще одна мысль, от которой скрутило желудок. Такая женщина не полагается на полицию, она намерена сама найти и уничтожить убийцу брата. Да, им предложили «стол и кров», чтобы усыпить бдительность.

Началась игра наперегонки.

Тот, кто первым найдет убийцу Юргена, пустит ему пулю в сердце.

Чистую пулю.

Такую, какими убивают на охоте с подхода.

У тридцатилетнего Макса фон Гейерсберга было узкое, со впалыми щеками лицо, темные глаза и тонкие, как лезвие бритвы, губы. Черные, сильно напмаженные и потому будто нарисованные на черепе волосы подчеркивали бледность кожи.

Удо был моложе – возможно, лет двадцати пяти – и намного красивее. Густая шевелюра, мощный выпуклый лоб, обаятельная «кошачья» мордашка. Ну просто смерть бабам, да и только... Ньеман почувствовал укол зависти и принялся выискивать недостатки в «картине»: слишком вялый рот, нервный смех, обнажающий десны, скупая мимика, делающая его похожим на алкаша, страдающего от тяжелого похмелья.

Он уже полчаса слушал их разговор (на французском, разумеется) и понимал, что эти наследники являют собой полную противоположность графине: никчемные аристократишки, кичащиеся происхождением и ни на что не годные. Лаура фон Гейерсберг производила впечатление силой породы, кузены выглядели анемичными, способными лишь поминать к месту и не к месту славных предков.

Удивляли Ньемана не сотрапезники, а зал, где был накрыт ужин: никаких стеклянных стен и современного дизайна. Они сидели за столом в маленькой комнате со стенами,

обитыми красным бархатом, которые украшали головы животных. Охотничьи трофеи Гейерсбергов. Огонь в камине трещал и клацал, как безжалостные челюсти людоеда. Звяканье вилок наводило на мысль о лязге цепей кандальника, запертого в худшем из казематов. Жуткая атмосфера...

Ньеман смотрел на горящие свечи и с трудом сдерживал свой «азарт легавого»: он здесь, в «гнезде», рядом с членами семьи миллиардеров, пережившими худший вид насилия – убийство. Майор был на сто процентов уверен, что мотив представления нужно искать здесь, среди наследников, в их прошлом или в «мертвом углу» настоящего.

Застольная беседа началась в мрачном тоне, прозвучал панегирик усопшему Юргену, но «Троллингер», красное вино рубинового цвета, произвел нужный эффект, языки развязались, все разгорячилось.

– Мы найдем убийцу и займемся им! – пообещал Удо.

Ньеман изобразил непонимание:

– То есть?

Удо залпом допил вино, снова налил по полной себе и остальным.

– Думаете, мы позволим какому-то отребью нападать на нашу семью?

– Я думаю, что вас заносит, Удо. Уже много веков правосудие творится в судах. Закон против личной вендетты.

Удо гнусно захихикал. Он сверлил полицейского «грозным» (так ему казалось) взглядом, выдававшим крайнюю

степень опьянения.

– Время проходит, земля пребудет вечно, – произнес он напыщенным тоном, воображая, что изрек ма́ксиму века. – Мы у себя дома. Мы стреляем в животных, но можем поохотиться и на людей...

Лаура коснулась руки кузена:

– Удо шутит, майор. Никто из нас не ставит себя выше закона. Возьмите еще петуха, он приготовлен во французском вине.

Ньеман медленно кивнул. Ужин был отменный. Помимо петуха, подавали обжигаяще горячие сосиски и шпецле под мюнстерским соусом<sup>22</sup>. Заведомо ничего слишком легкого, но все поглощается незаметно, в атмосфере золотисто-коричневого света и сладковатого дымка.

Ньеман последовал совету хозяйки дома – никаких лакеев поблизости, в комнате только «господа». Он решил продемонстрировать, что наслаждается угощением, и есть с аппетитом, как будто чувствовал себя обязанным извиниться за соседку: Ивана не проглотила ни кусочка.

«Мисс Веган» спасла положение, сменив тему.

– Есть кое-что, чего я не понимаю, – сказала она, незаметно положив в рот кусочек ржаного хлеба (надо же как-то утолить голод!). – Вам приходится пересекать границу, чтобы организовать псовую охоту...

– И что? – Макс – он был гораздо спокойнее брата – улыб-

---

<sup>22</sup> *Шпецле* – макаронные изделия (тип клецок) под сырным соусом.

нулся лейтенанту.

– Почему вы не практикуете конную охоту по искусственному следу?

Ньеман удивился неожиданным познаниям Иваны.

– Ландтаг предлагает нам такую альтернативу, – начала объяснять Лаура. – Вместо живой дичи – обманка, напитанная животными запахами...

Удо захохотал. Макс караулил реакцию Иваны, не сводя с нее «двустволку» близко посаженных глаз.

– Все равно что заниматься любовью с резиновой куклой... – спокойно заметил он. – Такое могут придумать только болваны-чиновники.

– Я полагал, у вас есть право голоса... – заметил майор.

– Конечно есть, но плебс всегда в большинстве. Увы...

Полицейский невольно кивнул, подумав: «А этот Макс опаснее брата, почти не пьет и мыслит здраво».

Удо резким движением выкинул руку с бокалом к камину, от которого исходил закручивающийся вокруг собственной оси жар.

– Охота – это кровь!

Кузены захихикали. Их лица, разгоряченные вином и свечами, выглядели загримированными, они напоминали персонажей с картин средневекового художника. Они как будто успели забыть о смерти Юргена. Или сегодняшний языческий пир на вине и крови потому и устроили, что хотят *отпраздновать*?



– Вас это возбуждает? – спросила Ивана.

Удо откинулся на спинку кресла, положил руки на подлокотники и уронил голову на грудь в позе алкаша, намеренного вздремнуть.

– Это я с вами обсуждать не намерен, мадемуазель Недотрога, но прошу вас понять одну вещь: в жилах охотника и дичи течет одинаковая кровь. Она может разгорячиться, эта...

– Черная кровь, – подсказал Ньеман. – Мне это знакомо.

В охотничьей среде часто поминали темное табу, бесприемную дикость, заставляющую человека травить зверя, нажимать на курок, рискуя и собственной жизнью.

– В моем ремесле, – добавил он, – это называют «преступным инстинктом».

Лаура поняла, что жаркого спора можно не опасаться, и спросила:

– В конечном итоге полицейские тоже охотники, я права?

Ньеман насладился очередным глотком «Троллингера» – он выпил ровно столько, чтобы получить удовольствие и не опьянеть.

– Между охотой, которой вы так гордитесь, и нашей ежедневной работой существует огромная разница. Мы сражаемся с убийцами на равных. Иногда они оказываются сильнее, и тогда дичью становимся мы.

– Но выживаете, – подала голос Лаура. – Моему брату не повезло.

Наступила тишина, все вспомнили, какие драматичные события собрали их за столом. Поминальным столом. Минута молчания растянулась до бесконечности, только постреливали дрова в камине и трещали свечи.

«Пожалуй, пора узнать, как обстоит дело с алиби у этих двух дебилов...» – сказал себе Ньеман.

В ответ он получил ухмылки, перемигивания и высокомерные взгляды.

– Что вас так веселит? – поинтересовался он.

Макс выпрямился, помотал головой, его бабье лицо сморщилось в презрительной гримасе.

– Скажем так: мы слегка нарушили правила уик-энда.

– То есть?

– Пригласили к себе молодых... особ, вместо того чтобы лечь пораньше, как велит традиция.

Майор вспомнил, что в досье упомянуто алиби кузенов.

– У вас остались их координаты? – спросил он.

– Конечно. Я даже расценки могу назвать.

Ньеман поднял глаза и заметил на стене герб Гейерсбергов: перекрещенные оленьи рога на золотом поле. «Вот так вот просто... – раздраженно подумал он. – Века войн, политических битв, социальной борьбы, ревностно охраняемых привилегий, чтобы два клоуна могли развлекаться со шлюхами перед травлей оленя в собственном лесу. Да, дарвиновская эволюция щедра на разочарования...»

Графиня исчезла из-за стола (Ньеман даже не заметил, ко-

гда это произошло), но тут же вернулась, неся в руках широкое гжельское блюдо.

Вид этой женщины в узком, как лайковая перчатка, платье, и смешных кухонных рукавицах-прихватках растрогал Ньемана до слез.

– Домашний штрудель! – объявила она торжественным тоном. Макс разлил по бокалам вино.

Странные поминки... Ньеману показалось, что он погрузился в озеро огненной лавы, им овладела эйфория от близости этой удивительной женщины, но...

В это мгновение Удо спикировал носом в тарелку, Макс не успел подхватить брата, и локоны красавца-наследника погрузились в шпатель и мюнстерский соус.

Макс с Лаурой и хотели рассмеяться, но уж больно жалкое было зрелище. Ньеман перехватил взгляд графини на Ивану – та смотрела на пьяного засранца с невыразимой гадливостью.

Лицо Лауры совершенно переменялось, стало неприятно жестким, взгляд выражал презрение. В мгновение ока сыщик «считал» всю ненависть аристократки к женщине «из низов», к простонародью, к согражданам без знатных предков и гербов, которые придают человеку достоинство. Якобы придают...

– Думаю, глупостей на сегодня достаточно... Хочешь спать?

– Нет.

Ньеман с Ивановой стояли на крыльце Стеклянного Дома. Удо не без труда донесли до машины Макса, коротко простились на ночном холоде, машина кузенов скрылась в темноте, и графиня, не сказав гостям ни слова, ушла к себе.

– Если есть силы, постарайся что-нибудь нарыть на компанию VG, – распорядился Ньеман. – Годовые отчеты, директорат, акционеры. Я не верю в финансовый след, но давай проверим – максимально быстро, чтобы можно было заняться другими версиями. Попробуй понять, действительно ли брат с сестрой были неразлучны и так дружны... Мы не обязаны верить Лауре на слово.

– Лауре... Уже называете ее по имени?

– Иди к черту...

Щелкнула зажигалка, на мгновение осветив лица. Запах табачного дыма смешался с ароматами прелых листьев и смолы. У них за спиной, одно за другим, гасли окна виллы.

Ньеман наслаждался моментом, вспоминал, как счастливо проводил время в деревне у бабки с дедом, пока в их жизнь не вторгся кошмар, безвозвратно все изменив.

– А вы чем займетесь?

– Охотой с подхода.

Ивана поморщилась:

– Предпочитаю цифры...

Они пошли к двери. На первом этаже кое-где еще мерцал свет.

– Будь помягче с охотниками, – счел нужным предупредить майор.

– Сами вы тоже были не слишком любезны.

– Тем или другим боком убийство связано с охотой с подхода, – заметил он, проигнорировав «оценочное суждение» своего лейтенанта. – Мы завязнем в этом на много дней. Мне не нужна ограниченная фанатичка в напарниках.

– Потому что вы любите охоту?

– Любовь ни при чем. В нашем расследовании нет места приблизительности и неточностям.

– Приблизительности?

– Ты достаточно умна и не можешь не понимать, что человек избавился от природных хищников, обитавших в лесах, и теперь приходится делать всю работу самому.

– Хотите произнести навязшие в зубах штампы о необходимости управлять флорой и фауной? Тогда не забудьте вот этот: «Настоящие экологи – это охотники!»

– Так и есть. Лесу угрожает перенаселенность.

Они стояли на деревянном настиле, окружавшем дом, освещенные невидимыми прожекторами, вделанными в деревянный пол. Ньеман изменил мнение о своей помощни-

це. Этим вечером, в мятом платье, она была «элегантна», как мешок с почтовой корреспонденцией, но в ней имелось нечто, чего не хватало графине. Некий диссонанс, живая красота, от которой заводится любой мужик.

– Это меня не шокирует, – шепнула она.

Всякий раз, встречая взгляд ее светлых глаз, Ньеман ощущал сильное волнение. Глаза размытого сине-зелено-золотистого-бог-его-знает какого цвета напоминали стеклянные шарики его детства. Когда-то они казались ему сокровищем, в их просверках он узревал целые миры.

– Меня шокирует, что придурки наслаждаются, убивая животных.

– Удовольствие не в убийстве, а в погоне, травле. И техническом совершенстве.

– Тоже мне доблесть – уничтожать беззащитных зверей!

– Сдаюсь! – Ньеман поднял руки. – Ты никогда не держала на мушке годовалого оленя и все равно не поймешь.

Он открыл панорамное окно.

– Наверное, убийца Юргена тоже считал, что восстанавливает равновесие этого мира, – задумчиво произнесла Ивана и щелчком отправила окурочек в темноту.

Майор понимал ее правоту. Убийца «изъял», как говорят охотники, элемент, угрожавший гармонии вселенной. Какой именно вселенной? И чем Юрген нарушил порядок?

– У тебя есть список приглашенных на охоту? – вдруг спросил он.

– Я дала вам его.

– Всех опросили?

– Конечно, на следующий день после обнаружения тела.

– Сколько их было?

– Человек сорок. Все клялись, что не покидали павильон. Проверить это невозможно. Напоминаю – мобильники у Гейерсбергов запрещены.

Ньеман вошел в дом:

– Поработай часа два и обязательно поспи. Завтра будем допрашивать твоего приятеля.

– Вы о ком?

– О Томасе Краусе, активисте-экологе, великом мученике вашего дела.

«Когда движешься по лесу, не думаешь, не анализируешь, не предвидишь. Только наблюдаешь. Ты один, ты никуда не торопишься, ты затерян в чаще. Все твоё внимание сосредоточено на звуках, которые издаешь сам, и на дичи, которую преследуешь... Только это имеет значение.

Всем охотникам с подхода известна истина: вот вы идёте, вы в поиске, но уже связаны со своей целью. Вибрацией, электрическим током...»

Ньеман полулежал на кровати, поставив ноутбук на колени, и слушал на «Ютубе» свидетельства немецких участников охоты, одетых в плотную шерсть. Существует много школ камуфляжа – Германия выбрала эту мягкую бесшумную ткань.

«Теряешь ощущение времени и пространства. Становишься бесплотным. Плывёшь по лесу. Как в трансе...»

В разговоре с Иваной Ньеман примерил на себя роль адвоката дьявола, хотя он лично тоже не понимал, как можно наслаждаться охотой. Охотники, вроде его деда, способны целый вечер объяснять, как прекрасен взрослый олень, застывший в лучах заходящего солнца, они реагируют на этого самого оленя единственным доступным им способом – выстрелом из ружья! – и уподобляются меломану, который обливается слезами, слушая «Реквием» Моцарта, а потом сжи-



гает партитуру.

Комиссар щелкнул мышкой и запустил очередной сюжет о технике охоты с подхода: маскировка, анализ следов, учет направления ветра и влияния Луны на поведение животного... Такие штуки Ньеман понимал. Он восхищался современными методами, потому что тратил жизнь на поиск и отлов самой опасной дичи – человека.

Полученная информация усиливала его глубинную убежденность в том, что убийца Юргена – никакой не активист, не борец с охотой. Он опытный, возможно, великий охотник, потому и сумел завлечь наследника на свою территорию, в лес, и застать его врасплох. Только хищник, полностью слившийся с природой, мог потом испариться с места преступления, не оставив следов. А дубовая веточка в зубах Юргена – дань уважения добыче.

Ньеман решил положиться на ассоциации и задал поиск по слову «почести». Предметы, которые охотник выкладывает на теле дичи. Последний кусок и «залом» – ветка благородного дерева, которую располагают на плече мертвого зверя. Если верить форуму, место ветки на мертвом животном или способ, которым ее переломили, имеют особое значение. Рядом с Юргеном ничего подобного не нашли, но ветку мог унести ветер или пробежавший мимо зверек.

Нужно показать фотографии места преступления охотникам: возможно, положение тела или какой-то другой аспект окружающей обстановки был неверно истолкован.

Сыщик вдруг услышал какой-то звук за окном и насторожился. Вот, снова – совсем тихое щелканье. Ньеман вскочил, взял оружие, прищурился, вглядываясь сквозь стекло в темноту: чутье подсказывало, что кто-то пытается проникнуть в Стекланный Дом.

*Ни черта не видно, окно никак не открывается!*

Он обулся, накинул куртку и начал спускаться по лестнице, стараясь производить как можно меньше шума. Пересек гостиную, открыл балконную дверь – и холод захватил его врасплох. Ничего необычного, только черные стены и длинные лужайки. Никаких теней, ни малейшего движения.

Ньеман чуть расслабился. Ночь была невыразимо прекрасна, в ней смешались ясность (он различал иней на коре деревьев и росу на еловой хвое) и смутное колебание: туман хлопьями стелился над землей.

Он полной грудью вдохнул влажный воздух, как будто вознамерился присвоить себе часть окружающей красоты. Запахи проникали прямо в мозг, пьяня и чаруя. Ньемана качнуло, он выпустил рукоять «зигзауэра» и тут увидел ее.

Лаура фон Гейерсберг шла вдоль елей, по правой стороне. Она была в джинсах и темном пальто и обнимала себя за плечи, словно пыталась согреться. Черные волосы летели за ней, касаясь деревьев, как лаковая щетка темной ткани.

Ньеман сунул пистолет за пояс, сделал шаг, другой. Графиня снова исчезла, и он побежал.

Ровно через минуту он оказался у прогалины между деревьями. Тропа из красной утоптанной земли указывала направление в потемках, как длинный ледяной палец.

Ньеман притормозил, чтобы не обнаружить своего присутствия. Под ярким лунным светом схваченный холодом пейзаж выглядел стеклянным, готовым разлететься вдребезги. Хрупким – и опасным. Такой и горло легко перережет.

Никаких следов графини.

Сыщик пошел дальше, проклиная себя за неповоротливость и глупость: нечего было злоупотреблять красным вином!

Но где же Лаура?

Он уклонялся от колючих веток, смаргивал упавшую на веки росу. Ему чудилось, что он оказался в сказке. Или в легенде. В голове звучало слово *Шварцвальд*. Черный лес, земля духов и волшебства, территория мертвых углов и складок земной коры, где обретается самая темная часть души...

В этот момент он наконец увидел женщину.

Она шла по тропинке под прикрытием тяжелых ветвей. Ньеман поспешил следом, петляя между черными деревьями. Окружающий пейзаж снова показался ему остекленевшим. Небо напоминало замерзшее озеро, ели – сталагмиты, глядящие верхушками вверх. Туман тоже поднимался, зем-

ля влекла его к себе, как Луна приливы. Сам он выдыхал клубы серебристого пара, который тянулся к туману, чтобы слиться с ним воедино.

Графиня шла, по-прежнему обнимая себя за плечи. Полы пальто цеплялись за нижние ветки, и на иголках появлялся след от стряхнутых капелек.

Согнувшийся пополам Ньеман старался двигаться неслышно, и влажность была его союзницей: мокрая трава, опавшая листва, отяжелевшие папоротники раздвигались, как бархатные гардины. Душа сыщика все сильнее поддавалась окружающему волшебству. Круглая, как мандала, Луна из перламутра, деревья в инее, словно бы очерченные мелом.

Он был метрах в двухстах от Лауры, когда справа раздался глухой шум. Майор инстинктивно повернул голову и увидел, что на него сквозь пласты тумана несется сгусток тьмы.

Ньеман не успел ничего понять – его парализовал первобытный страх, лишив способности рассуждать здраво. В следующую секунду мозг послал сигнал: страшный пес несется на него в полной тишине, разинув слюнявую пасть.

Он успел выхватить пистолет из кобуры – не думая, рефлекторно. Собака преодолела последний метр разделявшего их пространства и прыгнула. Вспышка выстрела на долю секунды осветила вырвавшегося из преисподней Цербера. Зверь весом не меньше шестидесяти килограммов летел со скоростью молота, который метнул выдающийся легкоатлет. В лицо Ньеману ударила струя горячей крови, он опро-

кинулся на спину и едва не задохнулся, придавленный мертвой тушей.

Сыщик только и успел повернуть голову, краем глаза заметить графиню, и у него снова началась неукротимая рвота. Организм извергал на траву все, что несколько часов назад было с удовольствием съедено за ужином.

Ньеман сходил с ума от отвращения, чувствуя себя куском мяса на скотобойне. Собрав все силы, он оттолкнул тело пса и встал на колени, сжимая голову ладонями.

– С вами все в порядке?

Кошмар находился за тысячи световых лет от благоухающей смолой поляны, в Эльзасе, внутри худшего из воспоминаний. Он как наяву чувствовал острые клыки Реглиса, впивающиеся в тело... Черт, его сейчас снова вывернет...

– Все нормально?

Он поднял глаза, провел рукавом по лицу. Изумленная графиня стояла перед ним. Реши он вдруг завести интрижку с Лаурой фон Гейерсберг, в этот самый момент пришлось бы распрощаться со всеми надеждами.

Ньеман снова вытер лицо, едва не содрав кожу.

– Что произошло?

Майор выпрямился – с трудом – и, не вставая с земли, отодвинулся от трупа животного. Он все еще целился в собаку... мало ли что... хотя одним выстрелом снес уродине полголовы вместе с мозгом.

– Не хотите говорить?

Ньеман наконец соизволил обратить внимание на графию:

– Это ваша собака?

Он не узнал собственный голос. Лаура протянула руку, чтобы помочь ему подняться, но он ее проигнорировал. Униженный пережитым страхом, задыхающийся, с бешено колотящимся сердцем, он чувствовал необходимость справиться самостоятельно. Голова закружилась, его качнуло, и в это мгновение он заметил чей-то силуэт метрах в пятидесяти от того места, где они находились. Человек стоял среди деревьев, обрамлявших поляну.

– Смотрите, там!

Он с трудом поднял руку и указал пальцем на темную фигуру.

– Что? В чем дело?

Тень испарилась. И тем не менее сыщик точно знал, что видел мужчину с лицом цвета еловой коры. В кепи и странной полотняной маске с прорезями для глаз и жестким кокусом для защиты носа.

– Что вы там увидели? – спросила Лаура.

Он предпочел не отвечать. Ноги едва его держали, руки тряслись.

Ньеман повернулся к лежавшей у его ног туше. Огромная короткошерстная собака с костяком бегуна и мышцами атлета.

Сыщик не без труда присел на корточки, чтобы не упу-

стить ни одной детали. Породу он не опознал. Квадратная, как наковальня, голова, глянцевая, как корпус ракеты, она выглядела тяжелой и агрессивной, в пасти наверняка прорва острых, убийственно опасных зубов.

– Вы не ответили, – буркнул он, отдышавшись. – Это ваш пес?

– У меня нет собаки.

– Даже охотничьей? – Ньеман поднялся на ноги.

– Я держу ее в другом месте. Эту я никогда не видела. Зачем вы пристрелили несчастное животное?

– Она собиралась напасть на вас.

Графиня молча встала на одно колено, чтобы осмотреть мертвое чудовище. Ньеман угадал в Лауре сочувствие и пришел в ярость. Он не понимал этой нежности к зверю, который хочет одного – перегрызть человеку глотку.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.